НАШИ • ТАМ
ЛЮБОВЬ КОЛЕСНИК
НАТАЛИЯ НЕСТЕРОВА
ВИТЯЗЬ.
СОДРУЖЕСТВО
НЕВОЗМОЖНЫХ

Любовь Колесник
Наталия Петровна Нестерова
Витязь. Содружество невозможных

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18403149
Витязь. Содружество невозможных: роман: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06480-6

Аннотация

Дивный народ Тайтингиля гибнет, и златой витязь решает изменить предначертанную судьбу эльфов. Драконий камень отправляет его в странный город, где люди ставят во главу угла деньги и удовольствия, где воздух пахнет гарью от бесконных повозок, а гномы маскируются под обычных портных. Это – современная Москва. Здесь, в суетном мегаполисе, Тайтингилю предстоит схватка с чудовищем – Цемрой, Темнейшей дочерью хаоса. Витязя ждут опасный враг и невероятная любовь, надежные друзья и поразительные приключения, путешествия по нашему миру… последний из драконов, Альваринпаэллир, Багрянец Небес, дремлющий в северном озере! Содружество

невозможных – не только союз эльфа, перерожденного орка и инопланетянина. Это единство различных литературных жанров (фэнтези, космической фантастики, любовного романа), настоящая современная приключенческая проза.

Вперед, за границы миров и привычных рамок – «Содружество невозможных» ждет вас!

Содержание

Пролог 6
Часть первая 10
Глава 1 10
Глава 2 29
Глава 3 51
Глава 4 73
Глава 5 95
Глава 6 112
Глава 7 131
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Любовь Колесник, Наталия Нестерова
Витязь. Содружество невозможных
Роман

© Колесник Л., Нестерова Н., 2016
© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Авторы выражают искреннюю признательность за помощь в работе над рукописью Дмитрию Бондаренко и Юлии Араевой

Пролог

Витязь вдохнул воздуха – колкого, пахнущего незнакомо и опасно; пепельного, слишком сухого. Вдохнул еще раз, расправляя отбитые легкие, выгнул спину, корчась на немилосердно жесткой скале. Закашлялся; открыл глаза – их словно заволокло дымом. Ничего не было видно, но, помня наказ мудреца, эльф прижал к тверди под собой драконий камень – отметить место. С глухим хлопком полыхнуло пламя, и Тайтингиль отдернул обожженную ладонь.

Камень влился в скалу, и алый огонь его истаял – несколько мгновений еще оставалось тусклое свечение, а затем и оно погасло.

Просто невзрачный кусок гравия, вмурованный в городской асфальт.

Эльф бессильно откинулся на спину. Подтянул, согнув в коленях, длинные ноги. Рассыпались волной золотые волосы.

Пахло отбросами, нечистотами – и это была не скала. Над Тайтингилем нависали стены невиданных крепостей, прорезанные множеством окон.

Это был тупик на заднем дворе дорогого бара, где стояли бачки с мусором, припаркованные машины, пара велосипедов – транспорт официантов, – прикованная цепочками к поручням. Тайтингиль не понимал почти ничего из того, что

он видел, – и едва мог дышать, сглатывая вонючий бензиновый и резиновый дух.

Из задней двери ресторана вышли покурить двое – администратор и официант. Бар был модный, тут часто проходили костюмированные вечеринки, тусовки разномастного творческого люда, так что лежащему во дворе мужчине в кольчуге и плаще не удивились.

– О, косплейщик. Что же, он тут со вчера?

– Эльф! Ты набрался и тут ночевал? Как тебя мусоровоз не раздавил…

Тайтингиль закашлялся, пытаясь встать.

– Смотри, прикид дорогой. Почти как настоящий, – со знанием дела заметил администратор. – Знаешь, тут вчера непростая публика резвилась. Из тех, кто шлемы оригинальные из Штатов по пятьсот баксов выписывает. Давай его внутрь отведем. Если в два вырубился, когда мы закрывались, он, считай, тут почти сутки валяется. Наверное, за баками был.

– Ну давай… тем более у нас акция, пивка хлебнет… Эй, ты как?

– Жив, – хрипло отозвался эльф.

Двое сошли с лесенки, подхватили Тайтингиля под руки. Поставили.

– Ну ты и дылда… Сашка, помнишь его, нет? Если он был тут вчера, как только весь бар не разнес, здоровый такой…

– Так я вчера не работал. Давай отведем его в зал, – па-

рень осторожно втянул ноздрями воздух, – он вроде чистый, интерьер не запачкает.

– Что… было… вчера?… – тяжело спросил Тайтингиль, понимая, что эта речь – не эльфийский и не общий язык, но все же знакомый, все же понятный…

Он принимал помощь двоих людей, которые поднимали его, отряхивали плащ, ощупывали кольчугу и переглядывались с изумлением, понимая, что все настоящее, подлинное.

– Так ваши тут веселились, ролевая была. Ты, наверное, короля играл, да? Кольчуга позолоченная, – сказал официант.

– У нас сейчас акция, – добавил менеджер. – Ноль пять пива бесплатно всем, кто войдет от девяти до одиннадцати. Это в благодарность обычным клиентам за ваши вчерашние ролевые игрища. Вы как набежали, все постоянные посетители разошлись, одни дамы да витязи остались…

– Разве это дурно? – медленно спросил эльф. Он перестал опираться на мужчин и шел с ними сам, правда чуть пошатываясь. – Что остались лишь дамы да витязи?…

– Да нет. Просто шумные вы очень, стали ругаться из-за какой-то ерунды, мечами махать. Теперь не знаем, как клиентуру обратно заманивать… А ты, значит, так и спал у бачков?

– Не помню.

– Вот, садись. – Менеджер подвел витязя к обитому кожей диванчику в немноголюдном пока баре. Интерьер был доро-

гим, хорошо продуманным, музыка – сдержанной. Официант принес на стол высокий стакан пива – правильный, запотевший, с пеной, – и вазочку с солеными крекерами. – Давай приходи в себя. Это от заведения. И вали домой, а то ты больно колоритный, эльф.

Парочка вернулась к делам, обсуждая уши, меч и парик высоченного парня.

Пить Тайтингиль не торопился. Горло и грудь все еще жгло, а по ногам била дрожь. Требовалось время, чтобы прийти в себя.

Эльф оглядывался.

Кабак, таверна, трактир. Приглушенный свет, люди заняты своими делами.

Тайтингиль еще не был уверен, подойдет ли ему здешний воздух, сможет ли он обвыкнуться; но одно не оставляло никаких сомнений – план, составленный вместе с могущественнейшим мудрецом его мира, удался.

Он в ином мире.

Он прошел, и дарованный волшебником драконий камень отметил место.

Витязь снова рвано выдохнул и улыбнулся – резкой, необычной улыбкой, дернув уголком рта; откинулся на спинку диванчика, расслабленно вытянув ноги. Просто дышал, осознавая, что же именно ему все-таки удалось сделать.

Тайтингиль закрыл глаза и провалился в полузабытье.

Часть первая

Глава 1
Яд

Он, Тайтингиль из Нолдорина, витязь Золотой Розы, перворожденный эльф, стоял пред ликом мудреца и внимал. Волшебник был привычно серьезен, сед, строг. Морщинистые узловатые пальцы старого мечника, а вовсе не книжника перебирали свитки пергамента.

– Ты спросил, почему ваш народ теперь живет так: бессмертие осталось вашей судьбой, но женщины давно уже не рождают детей, миновали годы былой славы. Ты спросил, и я ждал этого вопроса именно от тебя, Тайтингиль. Честь твоя равна твоей пытливости, и обе они равны твоему благородству. Единственный от рода эльфов ты вышел сразиться с демоном огня, грозившим погибелью Нолдорину, победил, погиб сам и был воскрешен волею Создателя Эалы, многосущного мира нашего…

– Хватит славословий, – ответил Тайтингиль. – Я уже рассказывал тебе и о битве, и о воскрешении: мне не было в нем радости. Да, эльфы бессмертны, они не теряют жизнь, они отправляются в Чертоги Забвения. Я видел эти Чер-

тоги, и мне показалось, что они ужаснее смерти. Обретающийся в них живет вечно… и постепенно теряет память, забывая всю прежнюю жизнь, словно начиная жить заново. Если такова судьба моего народа, я не только несказанно рад позволению вернуться в Эалу – я обязан избавить своих гордых собратьев, доверяющих Создателю, от постепенного угасания в беспамятстве.

Мудрец встал, прокатил по столу свиток, пустил за ним другой. Он не спешил поднимать цепкие, колкие глаза на серьезное лицо эльфийского витязя.

– Эала не состоит из одного нашего мира, сколь бы ни был он просторен, и, положим, Чертогов Забвения. В нее вмещается множество разных миров. Где-то люди уже давно наступили ногами на звезды. Где-то эльфам никогда не придется закончить свой путь.

Тайтингиль подступил ближе.

– Если это возможно, я хочу найти этот путь. Не прячь глаза, всеведущий, посмотри на меня, и ты увидишь того, кто уже один раз погиб и был воскрешен, что мне терять? Я могу лишь обрести. И возможно, не для себя одного. Так помоги мне.

Рука седовласого старика разжалась. Сильная, широкая ладонь того, кто видел сотни сражений, изборожденная линиями судьбы и старыми шрамами.

На ней лежал взблескивающий алой искрой обломок серого камня.

Драконий камень…

Витязь отшатнулся тогда. Вздрогнул и отшатнулся.

– Драконы, лишь они постигли пути между мирами, осознали, сколь много складок Эалы, отражений замысла Создателя, существует.

Драконы прокладывают такие пути, а мы можем лишь искать слабые следы их силы, как проколы стальной иглой сквозь много складок ткани, чтобы пройти следом и оказаться в материи иного замысла Создателя.

Драконы умирают, и их сердце сжимается, превращаясь в драконий камень, камень, который не мудрец и не волшебник никогда не отличит от обычного булыжника.

И драконий камень хранит в себе все те пути, которыми ходил его владелец…

Ты, Тайтингиль, великий Сокол Нолдорина, гордость рода Золотой Розы, Дважды Живущий, хватит ли у тебя мужества пойти путем дракона?

Тайтингиль вздрогнул, выныривая из воспоминаний.

Около него кипела живая жизнь иной складки Эалы. Складки, проколотой драконом, словно острой стальной иглой.

Когда-то проколотой.

…Интересно, живущие здесь – наступили уже на звезды, смогли ли?

* * *

Первой подсела девушка – лет двадцать, блестящие черные лосины, каблуки; сверкающая стразами майка болталась так, что секретов для стороннего взора практически не оставалось. Яркая косметика, стрижка до плеч. В одной руке девушка держала высокую кружку бесплатного пива. В другой – треугольный бокал с мартини.

Поставила пиво перед эльфом:

– Вот. Холодное. Твое согрелось. Будет дрянь. Я все равно пиво не пью. Как тебя зовут?

– Тайтингиль.

– Это из какого фэндома?[1] – лениво спросила девушка. – «Я здесь»? А, нет, там Мэглин… Я тут вчера была, лучницей. Ты меня помнишь? Алора. Ну, Оля. Меня все должны были запомнить…

– Не запомнил. – Эльф старался говорить кратко, лучше молчать.

– Где брал прикид? У Тимофея? А парик? Можно потрогать?

– Что?

– Акцент чудной, эльфийскими языками перезанимался? – усмехнулась девушка и протянула руку. Намотала на

[1] Фэндом – *букв.* фанатство – неформальное объединение людей общего интереса. *(Примеч. ред.)*

пальцы упругую прядь волос Тайтингиля. Волосы были загляденье: не русые, не блондинистые, не ярко-рыжие – они отливали безупречным светлым золотом. Потянула, глянула на кончики. Не посеченные, не сухие… Запустила пальцы в густой золотой поток до самых корней, наслаждаясь упругостью прядей.

Эльф молча аккуратно отодвинулся, перекинул волосы на другое плечо. Она заметила, как нахмурились светлые брови. Отстранилась.

Тайтингиль, который наконец немного пришел в себя и перестал принимать этот воздух как горсть вдыхаемых игл, шевельнул тонкими ноздрями. Девушка пахла сложной смесью трав и неведомых пряностей, телом, тканью – запахи непривычные, резкие.

Любопытство тем временем все же пересилило здравый смысл, и девичьи пальцы тронули тонкое острое ухо. Подергали. Эльф снова уклонился – спокойно, но настойчиво.

– Ты совсем укурок? – спросила Алора восхищенно. – Оперировал? А волосы что же? Такие отрастить нереально… Нарастил от самых корней, жесть! Дашь контакты мастера?

Витязь устал силиться понимать странные слова, вылетающие из ее слишком ярко накрашенного рта. Взял запотевшую кружку холодного пива и залпом выпил – все ноль пять. Поставил, понюхал вторую, степлившуюся, с каемкой осевшей пены. Поднялся, расправляя плечи, одернул пояс с ору-

жием, стащил плащ, расшитый золотыми цветами. Тут было жарко. Тело под кольчугой начало уставать от лишнего тепла, но и снимать ее не хотелось. Провел руками по волосам, резким движением скрутил их в жгут и перекинул на плечо вперед – так витязь делал, когда хотел, чтобы они не мешались сзади и не рассыпались по плечам.

– Где тут можно?…

Официант, скользящий мимо, его сразу понял – провел к двери, на которой был изображен ковбой, скачущий на брыкающемся мустанге. Тайтингиль имел в виду скорее улицу, траву, кусты, но осторожно вошел. Некоторое время постоял, приглядываясь к тому, как пара мужчин воспользовались удобствами, а затем вымыли руки. Вода тут текла по велению фотоэлемента, но Тайтингиль не торопился делать выводы о волшебстве…

Омыл лицо, облегчил тело. Попробовал воду языком – он не стал бы такую пить. Вода была опасна, точно здесь били ядовитые источники Темной страны.

Вернулся в зал.

Алора все еще пребывала на его диване – а на столе появилось еще пиво, свежее. Лишнюю посуду заботливые руки убрали.

– Тебе понравилось, – сказала девушка, – я тебя угощаю. Еды заказать? Тут делают отличное карпаччо. Ты по жизни кто? Судя по прикиду, вип?

– Много слов. Я не все понимаю, – признался эльф.

Драконий камень! Получилось. Получилось.

Великая Эала!

Получилось!

И витязь улыбнулся.

– Ого, – сказала Алора.

– Теперь ты не все понимаешь, – прошептал витязь. Ликование ударило в виски.

На стене – движущееся изображение на поверхности плоского волшебного шара. Чудесная, хоть и ядовитая вода, текущая сама собой. Голая девушка. Тайтингиль мотнул головой – невероятной силы жаркая волна прокатилась по телу, словно он победил дракона, демона, а то и самого Властелина Морума.

Они не понимают. Никто.

И все это – люди, несмотря на разговоры об эльфах.

Он прошел!

В иной мир! В другую складку Эалы…

– Да чего ты так возбудился? – лениво пропела девушка, истолковавшая перепад настроения витязя как-то по-своему. – Или накатил в уборной? А может, нюхнул?

– Я могу это пить?

– Конечно. Я же сказала, угощаю. Правда, кто девочку ужинает, тот ее и танцует. Да, рыженький?

– Скажи понятнее.

– Ну раз я тебя угостила, – ухмыльнулась девушка, – а ты согласился, ты сегодня мой. М-мой…

Тайтингиль снова нахмурился. Лучница говорила с орк-ской прямотой: понравилось – хватай, волоки в кусты. Он был гостем здесь, и он не отец и не брат ей, чтобы учить… и все же…

– За два бокала пива? Не мала ли цена? – раздельно проговорил витязь.

– Козел, – сказала та, встала и ушла.

Тайтингиль посмотрел на пиво. Пить расхотелось. Снова сел на диван.

Подошел официант.

– Милорд… или сеньор… или как вас там, в общем, наш хозяин сильно большой поклонник этого вашего костюмированного творчества. У стойки для вас бесплатно пиво неограниченно и крекеры, а если чего-то крепче или поесть – это уже за деньги.

– У стойки?…

Еще одно непонятное слово. А, вон та… лавка, длинный высокий стол, с которого в руки жаждущих бойко разбегались стаканы и кружки. Да и народу в трактире прибавилось.

– Благодарю.

Закрыв глаза, Тайтингиль просидел еще минут двадцать.

Следовало запомнить день – запомнить до мельчайших подробностей, чтобы затем быстро отыскать драконий камень и место.

И попытаться вернуться.

Не позднее чем через год – так сказал мудрец.

Эльф ощущал свое положение во времени и в пространстве по-своему – и движение светил, и время года. Он запомнил мельчайшие детали – это самый конец весны, граница лета, хотя в мире, из которого он уходил, готовились лечь снега. У эльфов было обозначение для каждого дня года, для каждого часа суток, для каждой фазы Луны – и они определяли такие вещи безошибочно.

И да. Это Эала. Просто иная ее складка, иная сторона.

Тайтингиль снова улыбнулся.

Встал, подошел к стойке, краем глаза заметив, что Алора уже разговаривает с двумя мужчинами в другом конце зала. Девушка нарочито громко смеялась. Когда он встал, показала на него пальцем. Засмеялись и мужчины.

Сел на высокий табурет.

Дев тут вообще было больше, чем воинов. Все они были мало или слишком ярко одеты и вели себя развязно. И это казалось непривычным, точно место, в которое он угодил, было двором непристойности, какие встречались в крупных человеческих городах. Разрисованные лица, ароматы, смешивающиеся с запахами человеческих тел, пищи и алкоголя.

Это был дорогой, престижный бар, но витязь пока что не мог оценить его удобство. Перед ним поставили новый полный бокал пива. Нолдоринец осторожно взял длинными сильными пальцами и положил в рот подсоленный крекер – отломил совсем немного. Язык витязя сразу определил: тут яды, их едкие вкусы сплетались, жгли. Пищей это никак

нельзя было считать.

– Это лишь трактир или здесь можно получить ночлег? – спросил Тайтингиль человека за стойкой.

– Нет, номера не сдаются, но вот там напротив есть хостел, – ответил ему парень. – А вы что, нигде не остановились? Приезжий?

– Пока нигде. А есть… лавка менялы, что может принять золото?

– Прямо золото? – усмехнулся парень. – Обменник – за дверью сразу налево, если у вас валюта. Вы же француз? Хотя нет… слишком сложно разговариваете для иностранца. Прибалт? Хотя это тоже иностранец… А если золото, в смысле металл, – то ломбард через два дома вправо.

– Благодарю, – сказал Тайтингиль.

– Я бы кинжал купил, – загорелся парень, – кинжальчик не продаете?

– Нет. Могу продать плащ, – усмехнулся витязь.

– Плащ? Вон там, на диване? Красивый!

Но торговле помешали.

Женщина – стройная, тщательно следящая за собой, в возрасте от неопределяемых сорока до не менее неопределяемых пятидесяти – подошла и села на соседний табурет – очень уверенно. Бармен заулыбался, предвидя чаевые – хорошо знакомая и правильная клиентка.

Брякнули о стойку ключи от «прадо», блеснул покатым ребром шестой айфон.

Дама знала свою цену, никогда не называя ее. Отточенное фитнесом загорелое тело дало бы фору иным тридцатилетним. Дорогой костюм был бы слишком строгим, если бы не яркий шелковый платок с броскими буквами известного бренда. Темные волосы: короткая стрижка, идеальная укладка. И только морщинки вокруг внимательных темных глаз сказали бы о том, что и уверенность, и достаток дались ей нелегко.

– Привет, красавчик, – сказала дама. – Шурман, шот егерьмейстера, – и снова Тайтингилю: – Ты знаешь, я бы трахнула тебя прямо тут.

Сказала тихим, грудным голосом, глянула с поволокой. Она любила приходить сюда – успешная, изысканная, иная. Одно только появление бизнес-леди сводило с ума всех этих длинноволосых мальчиков с накладными ушками, витязей, рыцарей и королей. Длинноволосые были ее слабостью, юные, сладкие, готовые на все за пару пива или коктейль. Никаких обязательств, никаких поцелуев в губы.

И еще – она всегда сверху.

Это был первый раз, когда безотказный прием не сработал.

Золотоволосый обернулся на нее, оглядел. Безоружна.

– За что тебе меня бить? – дернул краем рта.

Он ведь правда не понял. И акцент, у него был акцент.

Она смутилась. Протянула руку, погладила его кисть – кожа была не шершавой, но какой-то… жесткой; проступа-

ли сильные жилы. Универсальный язык тела – это уж точно должно попасть в цель.

– Правда, поехали ко мне.

Ярко подведенные губы выпустили влажный кончик языка. Женщина уловила взгляд рыжего косплейщика и пыталась удерживать его.

Быть сверху.

Нолдоринец огляделся. Людно, дымно. Табак, кальяны, спиртное. Многие целуются – жадно, напоказ; одежда людей крайне вольная. Руки блуждают по телам друг друга. В висках бились демоновы бичи – то ли пиво не слишком подошло и также было насыщено ядом, то ли голые женщины, дерзкие, безудержные, разбудили… даже не злость – досаду. Отравленная вода. Колкий воздух. Люди, смахивающие на орков.

Тем временем женщина наклонилась к нему – слишком близко. Грудь уперлась в кольчужное плечо. Ирма с наслаждением вдохнула аромат длинных волос – липа и еще какая-то вкусная свежесть. И вроде бы песок, лошадь и металл.

Иностранец? Отлично. Это даже интереснее.

Три языка она знала в совершенстве – английский, немецкий и французский. На всех трех по очереди выдохнула ему, лаская дыханием острое ухо, что и как хотела бы с ним сделать. Сейчас. Тут.

На скулах витязя заходили желваки.

На искаженном, сильно искаженном всеобщем языке эта

женщина выразила ему свое пожелание – овладеть им. Им. Воином, витязем Нолдорина, прилюдно – в этом странном трактире, напоказ.

Рот застыл в ухмылке, как шрам.

– Ладно…

Тайтингиль медленно повернулся к ней, давая ей время одуматься. Не поняла, не отступилась – напротив, темные глаза загорелись, а губы изогнулись – ну вот ты и мой.

И тогда он, сметая со стойки стаканы и вазочки с печеньем, единым движением посадил женщину на нее, и задрал короткую юбку. Оскалился, подаваясь вперед. Вопреки смелым словам, она вдруг завизжала; витязь взялся за ремень, за набитую златой розой пряжку, краем глаза наблюдая, как от двери к нему бегут мужчины в темной одежде, в которых он безошибочно признал стражу; пара посетителей, охочих подраться, также поднялась, а за стойкой засуетился бармен.

Нолдоринец развернулся к нападавшим, сложив руки на груди. Люди остановились, словно наткнувшись на незримую стену.

– Дева просила, – иронично сказал витязь. – Я выполнил.

– Охренеть, – прошептала женщина, пытаясь вернуть юбку на место.

– Ирма Викторовна!

– Все нормально, нормально! Это мой знакомый, он шутит.

Стражники неохотно вернулись на свои места.

– Ирма Викторовна…

– Спокойно, Шурман. Ты, псих… сними меня отсюда!

Тайтингиль дернул бровью, снял женщину – пересадил на табурет.

– Воздерживайся впредь от такого. Мое пиво?…

– Валяется под стойкой, – отозвался бармен, – вы разлить изволили-с, сир. Ирма Викторовна?…

Женщина бросила карточку:

– Все на мой счет.

– Что это значит? – резко спросил Тайтингиль.

– Я заплачу.

– Я буду обязан тебе?

Он вспомнил лихие слова лучницы. И этой женщины тоже – чересчур сладкие, приторные, вязнущие на зубах. Описывающие намерения.

Не хотелось бы.

– Ох… нет. Меня тыщу лет так не накалывали, – прошептала женщина. – Я и забыла, что это так бывает. Слушай, поедем домой. У меня никого. Я закажу нормальный ужин…

– А переждать ночь у тебя можно?

– Так я же и приглашаю… – Женщина облизала губы.

Тайтингиль снова посмотрел на ее рот. Толстый слой краски. Потом на Алору, которая танцевала, страстно повиснув на одном из ее прежних собеседников. Сбоку в низком вырезе проймы рукава виднелась почти вся ее грудь.

– Что же, – сказал эльф, – трактирщик, должен ли я тебе

что-либо?

– Ирма Викторовна, у нас его видят в первый раз. Может, он вчера и был. Только я не работал, его не знаю, и другие ребята не в курсе. Вы бы осторожнее…

– Ты не переживай, Шурочка, – усмехнулась женщина. – Я кое-что в людях понимаю. Так поехали? Ничего ты не должен. Я все оплатила.

«Кто девочку ужинает, тот ее и танцует», – вспомнил Тайтингиль. Снова глянул на Алору. Ему еще было лихо от этой орочьей замашки. Этот долг он также запомнит.

– Веди, дева.

Они подошли к ее карете – большой, блестящей черным лаком, вздыбившейся на массивных ребристых колесах, резко пахнущей. Полировка швыряла острые блики в глаза. Непривычно, чуждо. Опасно? Витязь едва не спросил, где лошадь, но, вспомнив о текущей самостоятельно воде, промолчал.

Он внимательно смотрел, что делать дальше. Тысячелетняя воинская выучка вела его, напоминая о чуткости и осторожности. С клинками он здесь никого не заметил и сам отстегнул меч; набросил на оружие плащ и нес в руке.

Подошел к карете, присмотрелся. Положил пальцы на блестящую металлом ручку, потянул. Дверь подалась. Изнутри пахнуло еще сильнее – кожей, пряностями. Он поставил ногу на высокую приступку и, пригнувшись, расположился на вы-

соком светлом кресле. Ирма прихлопнула дверь – и он прихлопнул, пытаясь пристроить на коленях закутанный клинок. Отклонился в кресле – оно было удобнейшим, облепляло и поддерживало спину. И пахло настоящим, кожей. Хоть что-то хорошее в этом ядовитом мире.

– Какой ты, – шептала женщина, совершая великое множество малопонятных движений, руки ее нажимали там, сям, и под сиденьем зародился мощный басовый гул; Тайтингиль покосился вниз, но определить его источник не смог. – Вещи свои положи назад. Пристегнись.

– Что?

– Пристегнись.

Витязь смотрел вопросительно. Ирма забрала меч и положила назад; навалилась на него, проехав грудью по кольчуге, взялась за металлический конец блестящего плоского ремня, потянула, перекидывая через плечи, грудь.

– Слишком ты в образ вжился. Откуда такой?

Он перехватил ее руку, сжал – не сильно, но чтобы она понимала: привязанным он быть не желает ни в коем случае, он не пленник. Тем паче – привязанным ею, невоздержанной.

Женщина коварно улыбнулась и плавно отпустила сцепление, от души выжимая газ.

Почти триста лошадей под капотом ударили копытом единовременно, сдергивая прадик с места. Витязь едва не клюнул носом в панель, спешно оперся рукой, выправился.

Ирма видела, как он покосился на нее – недоуменно. И –

восхищенно, даже радостно.

Первую машину Ирме подарил отец на окончание второго курса. Красная «девятка» в ту пору была предметом мечты каждого советского студента. Ирма любила повторять, что вождение для нее сродни хорошему сексу. Раскручивать движок до красной зоны, почти до отсечки, слушать, как он натужно рычит, напрягаясь… Божественно! «Прадо» был похож на огромного неутомимого мужика, поэтому она его и выбрала. Ну, и из-за просторного салона, конечно. Ее губы снова тронула улыбка.

Покатаемся…

Это была окраина большого города, почти полночь. Ирма ткнула пару кнопок; по салону ударили басы. Огромный внедорожник, как разъяренный кабан, понесся, закладывая совершенно ненужные виражи. Тайтингиль был поражен скоростью. Для него был привычен спорый бег коня, но эта повозка… Ее быстрота опьянила эльфа, и, будь он в седле, испустил бы восторженный клич. Что ж, и в этом странном мире есть своя красота и радость!

Ирма, выбравшись на прямую, легко разогнала любимца до сотни и сбросила, разочарованно вздохнув: камеры. Но Тайтингилю хватило и этого. Сказать, что через двадцать минут гонки он пребывал в экстазе, было бы мало. После остановки он не спешил покидать кресло. Молчал, переживая ощущения. Затем вылез наружу, прихватив меч. Выдохнул:

– Дивная колесница!

– Еще бы, – усмехнулась Ирма. – Так как тебя зовут?

– Тайтингиль. Твое имя Ирма Викторовна?

– Для тебя просто Ирма.

– Что твой муж?

– Муж… объелся груш.

– Прискорбно, – учтиво посочувствовал Тайтингиль, догадавшись, что воин, скорее всего, пал или сгинул.

Ирма кивнула охраннику в просторном холле дорогого кирпичного дома, нажала кнопку лифта. Тайтингиль смотрел и запоминал. Женщина, пока ехали, погладила пальцами плетеный, вязаный металл на его груди:

– Не тяжело?

– В кольчуге? Я привык. Все же не полный доспех.

– И ты, значит, кто? Принц?

– Я витязь Нолдорина, победитель огненного демона, Перворожденный. Я принадлежу к роду Золотой Розы. И я… эльф, так называют люди.

– Эльф. – Женщина рассмеялась. – Терпеть не могу фэнтези. Но я вижу поглубже всей этой шелухи. То, что под шелухой, по мне, так очень интересно…

Тайтингиль только приподнял бровь. Что имеет в виду эта женщина – его душу и воинскую суть? Или снова не оставляет мыслей о его теле?

Снова дверь; этот мир состоит из дверей.

За дверью – просторный холл. Свет, стекло, дорогие ста-

туэтки. Холл перетекает в зал.

Эльф спокойно вошел.

– Стало быть, тебе принадлежит не весь дворец, а лишь эти покои?

– Ну ты нахал, – рассмеялась Ирма, убирая из прихожей сумку с документами, деньгами и ключами – быстро, во встроенный сейф внутри шкафа. Дверь заперта изнутри – гость не выйдет, если что, а этаж аж двадцать второй. – Двухъярусная квартира, двести метров, и ты еще выпендриваешься? Бар в гостиной. Я в спальню, быстренько в душ и закажу ужин. Ты суши будешь?

– Я не голоден пока. Ты живешь одна?

– Да. То есть нет. Дочка уехала к подруге, в другой город, будет через пару дней. Хочешь, выпей. И эту… кольчугу свою снимай. Тай-тингиль… Ну и имечко!

– Ты верно запомнила.

– С иностранцами работаю, пришлось насобачиться! Таай. – Ирма выпела красиво, гортанно, но ее гость снова нахмурился.

– У моего народа не принято усекать имена, хозяйка.

Ах, какой!

Ирма хмыкнула и рысью помчалась в ванную комнату.

Едва она пустила воду – автоматически включилась релаксирующая музыка, – как открылась входная дверь.

Тайтингиль, только начавший осматривать покои гостеприимной девы, развернулся на звук.

Глава 2
Похоть

В дом ввалилась тоненькая девушка, до талии засыпанная блестящими белыми волосами. Она тянула за собой небольшую тележку, яркую, розовую, на колесиках. Одежда была такой же, как и у всех тутошних дев: грудь едва прикрыта тонкой тканью, с бедер одежда едва ли не сползает, пупок виден и украшен ярким камешком, играющим в свете чудных, не мерцающих светильников. А лицо… Лицо такое же, что и у Ирмы, только покруглей.

Вот она, дочь.

– Ма-а… – Девушка затихла, глядя на эльфа.

Он поклонился.

– Мое имя Тайтингиль, дева, я витязь Нолдорина.

– Что?… А мама где?

– Освежается с дороги, – показал рукой в сторону ванной комнаты.

– А вы на кастинг, для рекламной кампании?

– Не понимаю твою речь.

Тайтингиль улыбнулся – и понял, что в этом доме ему будет спокойно. И еще – ощутил, как устал в доспехе за этот день, показавшийся бесконечным. Отошел к дивану, куда ранее положил плащ и меч, снял пояс с кинжалом, бросил сверху, стянул кольчугу и повел плечами.

– Алина. Алинка. Я вообще-то на минуту… блин, бли-ин!

– Чем ты огорчена? – не понял он.

– Огорчена? Да я в шоке вообще! Видите? – Девушка раздраженно предъявила прядь волос.

Он прищурился, оглядывая, но с ответом не спешил. Волосы – белые, как у эльфов Закатных Дубрав, жителей Тенистого леса, торчали непослушной соломкой.

– Стилистка, дура, пережгла! Что теперь с ними делать? А мы на пенную вечеринку едем, – пояснила девушка.

Он улыбнулся. Девочки, дети одинаковы во всех мирах и у всех народов.

– Так сплети их в убор.

– Плести? Я не умею плести… а выгляжу как идиотка! Все перепутается, будет как пакля, ламинирование не успею сделать…

Снова посыпались непонятные слова, много слов. Тайтингиль подумал – миг. Странный дом, странные люди. Пенная вечеринка – что это? Другой мир… Юная дева. Юная, но уже такая, как все тут, одетая вычурно и откровенно.

Он бросил взгляд на дрожащие от обиды губы и глаза, в которых блестели слезы.

Не такая. Нет, не такая, как все. Просто хочет казаться взрослее. Как случается у детей.

– Я сплету тебе, – сказал, скрывая улыбку.

Девочка уставилась на него, недоумевая:

– А вы умеете?

Тайтингиль перебросил волосы со спины вперед. Ниже пояса, заметно ниже. Когда он был наг – трепещущее златое пламя закрывало ягодицы.

Конечно же он умел: и косицу на затылке, и пару у висков; из трех, из четырех прядей. Чтобы не мешались в бою, не путались в скачке, и на всякий другой случай, и военный и мирный. Правда, иной раз это занимало едва ли не полдня.

– Охренеть, – изумилась девушка, оценив золотой каскад. – Ага, сейчас дам резинки. Вы классный!

Витязь помял в руках тонкие разноцветные петельки, которые растягивались и уменьшались безо всякой магии, видно сделанные из дивного материала; примерился к тонким белым прядям.

Косы – дело повседневное, невеликой мудрости. Надо же, дева – и не умеет плести кос. Что за мир? Он вспомнил девворительниц своего народа. Сражались в бою и утишали боль ран после; а потом садились в круг, и пели, и свивали прядь к пряди в причудливые венцы.

Женщины, которые сражались наравне с мужчинами. Потому что Эала более не давала им потомства. Долгие сотни лет.

Эльфы гасли в кровопролитных боях и отправлялись в Чертоги Забвения, а сила великого и многочисленного некогда народа словно растворялась в бесконечных летах, дарованных ему Создателем Всего.

Девочка ерзала, не переставая щебетать, и пыталась ука-

зать ему, как именно плести.

– Вы заберите все, вот отсюда, отсюда…

Все забрать – ну ладно, все заберем.

Ирма, намытая и надушенная, в роскошном халате вышла из ванной и остолбенела.

Дар речи вернулся через пять минут, не меньше.

– Алинка!

– Да, мам, привет! Мы пораньше приехали, Макс забрал на машине, а сейчас еще дотусуемся. Я утром буду, часов в пять… или к Наташке поедем. Дай денег, мою карточку заблокировали.

– Денег? – рассеянно пролепетала Ирма.

Тайтингиль… Он нависал над ее дочерью, сидящей на стуле, длинные сильные пальцы бегали по прядям волос. Ирма опешила еще больше, глядя, как ловко ложатся тонкие косички, складываясь в узор.

– Ах да, денег…

Ушла в другую комнату, вернулась с купюрами.

– Какая ты добрая, ма, – сказала Алина. – Я так понимаю, мне лучше к Наташке валить, да? Этот твой новый ничего так. Если он не того. Не этого.

– Алина!

– А чего? Он же стилист, нет? Ай! – Крепкие пальцы витязя взяли ее за ухо и ощутимо потрепали. – Ай! С ума сошел!

– Негоже говорить о госте так, словно его тут нет, – отчи-

тал ее Тайтингиль, – особенно о госте, который помогает тебе. Хотя и не должен.

– Отпусти! – выкрикнули обе, и Алинка, и Ирма.

Эльф отпустил ухо, и девчонка вскочила. Видно, хотела раскричаться… но увидела себя в отражении зеркальной полки.

– Охренеть!

– Алина!

– Ты сама все время ругаешься… Ты смотри, как у него получилось. А что это за плетение?

Тайтингиль потянул пальцы, сцепив руки в замок, и отошел к подоконнику. Юная дева пахла бесконной повозкой, сложными, сбивающими с толку ароматами. Тонкие ключицы и заостренная, почти неприкрытая небольшая грудь. Опять много всего чуждого, яркого, раздражающего, сбивающего с толку.

Он откинул штору – широкий подоконник был обитаем. В мягкой корзине, сшитой из бархата, спал очень толстый пушистый рыжий кот.

Здесь было хорошо: с одной стороны во тьме горели многочисленные огни неведомого города, похожие на очертания гигантской крепости, испещренной огнями; с другой суету непривычного мира отсекала плотная ткань. И кот, такой спокойный, рыжий, с очерченным белой мастью кругом подле уха и сонными зелеными глазами…

Пока две хозяйки что-то обсуждали, эльф уселся на широ-

кий подоконник, забрал зверя себе, оперся спиной на откос, согнув ноги в коленях. Откинул голову и закрыл глаза. Интересно, тут есть лес, озеро, скалы? В этой сложной складке Эалы – есть ли нечто привычное, доброе, теплое? Или все такое – ощетиненное даже светом, колким, белым, опасно мерцающим? Пока, на его взгляд, здесь все было слишком душное, яркое, угловатое. Предметы крупные, предметы помельче, вещи, врастающие одни в другие, разбивающие пространство, отвлекающие, словно множество голосков, добрых и злых, писклявых и грохочущих. Удерживать сознание в покое было непросто, понимать этот мир – пока – было сложно.

Кот замурчал, подчиняясь ласке сильных пальцев.

Тайтингиль вздохнул, рывком, раз, два – глядя в усыпанную огнями чернь за окном. И тихо запел, с сожалением выдыхая последние толики воздуха своей далекой родины, позволив голосу течь низкой дрожью.

Волосы золотым каскадом обрушивались с подоконника вниз, почти до пола.

Обе женщины, юная и зрелая, замерли.

– Я уже вообще не понимаю, кто это, – призналась Алина. – Но желаю удачно покувыркаться, ма. Наиграешься – отдай мне. Туса будет в отпаде.

– Вернешься – вымою рот с гелем для посуды. Ершшиком. И в кого ты?… – прошипела Ирма.

– В зеркало посмотри, – нахально ответила девушка. –

Мне, между прочим, восемнадцать скоро. Что хочу, то и делаю. Захочу – этого отобью. Все, я пошла. Вы! Мамин друг! До свидания!

– До свидания.

Ирма закрыла за дочкой дверь. Не таясь, достала ключи, заперла и ключи снова спрятала.

Мужчина на подоконнике на нее не смотрел.

Он смотрел на город.

– Так… ну… – Ирма подошла, встала рядом. – Так ты… сейчас чего-нибудь налью. Может, тебе в душ?

Зазвонил телефон.

– Ужина не будет. Доставка уже не работает.

– Я не голоден, – сказал Тайтингиль.

– Я так поняла, ты совсем женщинами не интересуешься?

– Что?

– Волосы, косички… имиджмейкер? Или актер, манекенщик? У вашего брата это частенько, знаешь ли…

– Я воин. Ты давала деньги дочке. Покажи.

Ирма подумала про тревожную кнопку, про незнакомого мужика в квартире.

– В каком смысле – покажи?

– Я не знаю, как выглядят твои деньги, – пояснил эльф. – Покажешь?

– Ты идиот. – Ирма чуть попятилась. – Ну ладно, иди, вот тебе деньги. – И женщина, порывшись в ящике комода, набросала на стеклянный журнальный стол бумажек и мелочь.

Тайтингиль положил животное на его ложе, подошел.

– Без денег – никуда, – ядовито сообщила Ирма. – Каждый должен чем-то зарабатывать. Вот ты чем зарабатываешь? На что живешь? В баре такой прямо был… активный… а?

– Я гость здесь, – тихо сказал Тайтингиль, и его низкий, тяжелый для такого стройного тела голос был мягким, – я должен вести себя так, как принято у вас. Я гость… пришел из другого мира. Но я, воин, никогда не работал за деньги, точно людские ремесленники или бездомные гномы. Воин. Не ведаю иного ремесла.

Он поворошил пальцами бумажки и монеты, кредитные карты. Ирма, у которой за этот день несколько раз настроение взлетало к лирическим высотам и падало в пучину полной безнадеги, потерянно торчала рядом. Она перестала понимать что-либо.

– А золото имеет цену в вашем мире? – Тайтингиль поднял на женщину взгляд. – Я хочу карету, как твоя.

– Имеет, – нервно ответила Ирма. – Но на машину надо много. Черт, курить бросила… а пригодилось бы.

Тайтингиль снял с запястья толстый браслет причудливой работы, порылся на шее и кинул на стеклянный столик на бронзовых лапах пару тяжелых кулонов на шнурках. Один светился приглушенным алым светом – рубин, другой мерцал зеленью и россыпью бриллиантов. Ирма, которая повидала немало драгоценностей, сглотнула.

– Ты кто такой?…

– Витязь рода Золотой Розы. Эльф. Мое имя Тайтингиль.

– Ладно… не знаю, из какой дурки ты сбежал, Тайтингиль… а как по-нормальному?

– Тайтингиль.

– Ты… женщин не любишь, да?

Витязь понял не сразу, что она имела в виду, а когда понял… Светлые изогнутые брови сдвинулись; гнев ударил под ребра.

– Слова твои мерзки.

– Господи… – Ирма, запахивая плотнее халатик, предназначенный для распахивания, потерянно упала на кресло.

– Где ты живешь?

– Я родом из Нолдорина, дивного, сокрытого города моего народа.

Ирма расстроилась. Гость ее точно оказался тронутым. Или упоротым. Какая жалость, ведь красавчик же.

– В нашем мире, – сказала с издевкой. – В нашем мире где живешь?

– Нигде.

– Но уши же тебе где-то подправили… и вполне аккуратно. Ладно. Если ты хочешь наших денег, давай продадим одну из твоих побрякушек. И запомни на будущее: такое лучше на себе не носить и никому не показывать.

– Отчего? – шевельнулась светлая бровь.

– Оттого что ограбят!

– Пусть отважатся, – лениво проговорил витязь, развали-

ваясь в кресле. Подумал и вытянул ноги в сапогах на тот же столик. Его порядком утомили споры и суета, хотелось отдохнуть.

– Мужлан, – заключила Ирма.

– Невоздержанная в словах и жадная до мужчин дева, – объявил Тайтингиль.

Один – один.

Ирма выдохнула. Вот же сумасшедший…

Но – роскошный.

– У тебя есть документы? Хоть что-то?

– Документы?…

– Я поняла. Значит, так… Браслета хватит, чтобы тебя как-то поселить и легализовать, – задумчиво сказала она, наконец приходя в себя. – Ну, я так думаю, – тяжело вздохнула. – Попробуем выдать тебя за беженца с Украины, их сейчас много.

– Какое унизительное слово, – заметил Тайтингиль. – Я не бежал, я пришел.

– Тебе, мой золотой, выбирать не приходится, – прошипела Ирма. – На один день ты тут, у меня – там, на бельэтаже, есть гостевая спальня. И… если еще раз потянешь руки к Алинке, я тебя… посажу.

– Посадишь… куда? Призовешь стражников, лишишь воли? Ты мыслишь тьмой, – спокойно сказал Тайтингиль, – если думаешь, что я могу причинить вред юной деве или дому, приютившему меня.

– Полный псих… Черт, что же я делаю… погоди, я позвоню начальнику охраны на фирму. У него были контакты… Сделать тебе хоть паспорт.

Ирма двинулась было к кабинету, но беспомощно остановилась.

– Ты не дурачишь меня?…

Тайтингиль встал – златая макушка под потолок. Шагнул к невысокой человеческой женщине. Нагнулся так, чтобы смотреть в глаза.

– Пойми сама. Попробуй почувствовать. Что тебе мои слова?

Ирма попятилась и чуть не опрокинулась на спину через подлокотник кресла. Нервно схватила айфон и вышла.

Пока женщина, невзирая на время за полночь, долго разговаривала по разным телефонам, то подсаживаясь к компьютеру и демонстрируя в камеру скайпа вещи эльфа, то ругаясь, временами переходя на английский, на французский, Тайтингиль побрел по огромной квартире, принюхиваясь и оглядывая евроремонт: все ненастоящее, все как нарисованное было в этом странном жилище! Слишком чистое, слишком игрушечное, словно созданное не для жизни, а только для того, чтобы смотреть.

Ненастоящее.

Ирма нашла его на кухне.

Воин разобрался с холодильником, отыскал там овощи, фрукты и теперь спокойно заканчивал резать салат – на дос-

ке! – правда, положенной на стеклокерамическую поверхность плиты, и складывая подготовленное в широкую миску. Кстати, выбрал лучший нож и лучшую посуду из всего, что тут можно было взять, заметила Ирма.

Указал на кусок мяса:

– Дичь неплохая. Где у тебя очаг?

Неплохая? Еще бы, мраморная телятина прямиком с частной экофермы «Три жеребенка»!

Эльф потянул с полки баночки с сухими травами, начал отвинчивать крышки, нюхать.

Ирма смотрела как завороженная, сжимая в руках айфон.

Два с гаком рост.

Золотые волосы ниже ягодиц.

Тонкая сорочка цвета охры, вышитая, штаны такие же. Мягкие сапоги на ногах, под колено, с тиснением и золотыми набивками. А меч в ножнах, портупея, ремень с кинжалом и кольчуга остались в гостиной на кресле.

И запах цветущей липы.

И песка.

Металла и усталости.

– Охренеть, – сказала она.

Нолдоринец выгнул резную бровь и улыбнулся краем рта.

– Значит, секса не будет? – спросила Ирма и облизала губы. – Ты не станешь со мной спать?

– Нет, не стану. Это не в правилах моего народа. Мы любим единожды, как живем, и любим, сливая души, – назида-

тельно произнес Тайтингиль. – А не только тела, подчиняясь похоти.

– О господи…

Слияние душ, ну вы подумайте только!

Шутит?

Он шутит, да?

Ирма села за стол и с подвыванием захохотала. Потом встала, взяла из бара бутылку виски, налила в толстый стаканчик граммов восемьдесят, добыла из холодильника лед.

Издевается.

Витязь тем временем нюхал открытую бутылку. Как кот.

Ирма, которую трясло уже не по-детски, прошептала:

– Я договорилась. Будут тебе документы, через три дня. Браслет ушел, завтра заберут. Я… я многое для тебя сделала сегодня. И… есть способы зарабатывать. Достаточно легко, без труда жить в нашем мире. И не тратить много времени.

– Расскажи, – сказал Тайтингиль, впрочем без большого энтузиазма.

– И друзья у меня найдутся подходящие, – шептала Ирма, шептала и льнула к нему. – Ты же хочешь карету… как моя?

– Что мне придется делать? – Он осторожно отодвинулся, подумав: ничего хорошего, скорее всего. В этом странном мире, кричащем суматохой и развратом… прищурился. – Я воин. Я знаю, как вести войско. Я обучен убивать и делаю это лучше всего.

Убивать, этого еще не хватало!

– Не надо убивать! Достаточно быть таким, какой ты есть. У нас запрос общества… на необычную внешность. Скажи, ты умеешь танцевать или петь?

– Разумеется. Каждый из эльфов умеет, – усмехнулся Тайтингиль.

– А, – Ирма снова облизала губы, пытаясь убедить себя, что решает насущный вопрос трудоустройства этого сумасшедшего парня, а не пытается урвать что-нибудь для себя, – можешь показать?

– Станцевать для тебя? – недоуменно спросил Тайтингиль.

– Станцуй, да! Вот, смотри: так. – Ирма бросилась в гостиную, к компьютеру, нашла пару клипов, вывела на плазму на стене.

Тайтингиль, пришедший следом, без восторга смотрел на изображение.

– Воины славно сложены, но я нахожу такое непристойным.

– Зато люди смотрят, получают удовольствие. И платят немалые деньги. И при этом никого не придется убивать!

– Фу, – честно сказал Тайтингиль. – Потом, такой одежды у меня нет.

– А что у тебя под штанами? – простонала Ирма.

– Собственно я, – еще более недоуменно ответил витязь. – И что же, за такое хорошо платят?

– Тебя осыплют золотом…

Тайтингиль подумал: «Кто девочку ужинает, тот ее и танцует». Да?…

– Я не хочу танцевать на потребу людей в нагом виде. Я – воин. Но я станцую для тебя, раз ты желаешь.

Ирма быстро ткнула в поисковик, выбирая музыку под свой вкус. Что подойдет? Пожалуй, немного рока…

Пару секунд Тайтингиль с интересом изучал вокалиста на плазменном экране. Потом пожал плечами, отошел в сторону, еще раз скосился. Расставил ноги…

Золотые волосы пролетели крылом, когда витязь резко откинул голову. Руки рванулись за музыкой – резко, как в бою. Талия выгнулась, плечи напряглись. Ладони захватили низ шелковой сорочки и открыли торс, медленно проползая по коже под рубленые ритмы. Обучиться такому по живой картинке на волшебном стекле было нетрудно.

Ткань отлетела в сторону.

Когда музыка смолкла, Ирма, тяжело дыша, прижала ладони к щекам. Потом вскочила. Тайтингиль уже шел к столу, на кухню – взять себе виски и салат. Он даже не раскраснелся. Сапоги и штаны остались при нем. Но и обнаженного торса хватило – Ирму окатило жаркой волной.

– Так-так-так, – прошептала она, – так-так-так. Сейчас поедим…

– Я желаю того же. Где у тебя очаг?

– Может, не стоит жарить мясо ночью?

– Отчего?

– Много времени займет. – Ирма подошла вплотную к эльфу. – Много… а тебе бы помыться, так? – и повела кончиками пальцев по ложбинке вдоль груди. – Так… помыться, эльф.

Тайтингиль перехватил руку Ирмы. На запястье, много раз перевитый, болтался шнур с множеством разнообразных камешков, вроде даже пара мелких золотых самородков, кажется грубо обработанные изумруды, рубины.

Фенечка.

– Ты добиваешься того, что вряд ли возможно. – Его низкий голос стал совсем тихим. – Я не смогу любить тебя.

– Да кто говорит о любви? Зачем она сдалась?

– Я чувствую. Я ощущаю твое волнение. Ты зовешь, твое тело зовет. Но моя душа молчит.

– Душа… а вот тут? – Ирма уверенно бросила руку между ног витязю, и тот на сей раз не стал ее останавливать. Просто стоял и смотрел.

– Ты… ты что… – Ее пальцы двигались сквозь плотный шелк штанов, ощупывая плоть эльфа – никакой реакции. – Ты что?!

Тайтингиль отвел руку женщины от своего тела.

– Оставь. Мы собирались сесть за трапезу.

– Ладно… прости. Я как-то не была готова. Я вообще не понимаю тебя. Ты ведешь себя странно.

– А ты – нет? – спросил он.

Она не нашлась что ответить. Безропотно показала ему,

как включить плиту. Смотрела, как высокий непонятный мужчина, плоть которого даже не шевельнулась под ее более чем опытными пальцами, красиво режет мясо, красиво обсыпает его специями, красиво жарит на мраморной сковороде. Женщину вело – она, привыкшая доминировать, была готова просто его вымыть, просто расчесать волосы, гладить, ласкать – просто. Просто. Это было странно, но она уже была готова – так.

И в то же время притягательность и совершенство золотого создания пугали.

«Тупая трусиха, – сказала себе Ирма, прислушиваясь к ощущениям внизу живота. – Какого черта он ведет себя так, словно он тут хозяин? Словно ему должны?»

Или все же с ним не все ладно? Стилист, имиджмейкер…

Пока дожаривалась мраморная говядина, Ирма ушла в комнату и включила там клип дебелого болгарского певца. Музыка была хороша, мальчики в клипе так и льнули друг к другу.

Расставила тарелки, принесла виски, лед, салфетки.

Тайтингиль мельком взглянул на экран и передвинул свое кресло, чтобы быть к нему спиной. С гораздо большим интересом рассмотрел вилку, и отчего-то Ирме верилось, что это не переигрывание – мужчина впрямь заинтересовался.

– Не хочешь смотреть?

– Мне это не добавит аппетита. А вы, я смотрю, совсем запутались, – невесело констатировал эльф. – Так много сде-

лали, так быстро выросли. И при этом рискуете растерять истинное… Но так вы и начинали, так и начинали – люди. Жадность, неуемность, стремление к богатству, к власти – и невероятная изобретательность во всем, что может это давать. Изобретательность, не ведающая границ – никаких.

– Ты так говоришь, словно… – Ирма осеклась.

А если это… ангел?

Стихийная вера присуща каждому русскому. Ирма была по большей части русской.

Золотые волосы, закрывающие спину и бедра. Странная, тонкая фигура, наполненная неимоверной силой. Длинный меч в золоченых ножнах. Тайтингиль. Гавриил? Михаил – воин, убийца дракона…

Дремлющая под ее пальцами плоть.

Драгоценности, подобных которым Ирма никогда не видела. Косички дочке, заплетаемые со спокойной кротостью – не умалявшей, впрочем, явной, но незлой силы гостя. Ирме стало страшно, и по ее спине двинулся отряд холодных мурашек.

Мясо было пожарено так, как не снилось ни одному шефповару.

– Ты зря боишься, – мирно сказал Тайтингиль, – моя природа не божественна. Но это и не ваша, человеческая природа. Создатель выдохнул Эалу, населенную разными существами. Есть эльфы, есть гномы, есть орки, есть драконы. Где-то люди уже наступили на звезды. – Он повторил сло-

ва мудреца. – А где-то… Целые народы умирают, и нет возможности остановить смерть.

Его голос утих до шепота, и Ирма с тревогой вгляделась в профиль, обрамленный златыми волосами.

– С моим народом – беда. Нас постигла даже не смерть. Угасание, подобное человеческой дряхлой немощи перед кончиной. Женщины перестали рожать детей. Воины, те, что не погибли в битвах, отступают теперь в Чертоги Забвения, где могут жить вечно и беззаботно, но – теряя память о себе самих, понемногу превращаясь в тени прошлого. А я, – он вскинул голову, – так случилось, что однажды смог покинуть предел забвения. Я смог вспомнить и вернуться. А раз я смог – значит, смогу найти иной путь для своего народа. Иной. К звездам.

Это было сказано слишком серьезно для ролевой забавы. Ирма как-то тревожно похолодела.

«А у нас тут, на нашей Земле, в Москве, нет никаких эльфов…»

Значит… Она промолчала.

Вскочила и побежала за сигаретами – в спальню дочери. Порылась – да, так и есть, в мягком чехле от новогоднего подарка, сшитом в виде собачки. Вернулась, бросила на стол пепельницу.

Тайтингиль тем временем наелся и мирно тянул виски из стаканчика, наполненного льдом. Ну надо же, он хотя бы употребляет алкоголь. Посмотрел, как Ирма чиркает зажи-

галкой, втянул тонкими ноздрями клуб ароматного дыма.

– Курения гномов. Знакомый запах. Не спорю, есть в тебе нечто от гномки, Ирма. Но я не гном. Ты льнешь ко мне, и ты пахнешь этим дымом, отнюдь не благовонным. Нехорошо.

Сигарета выпала у женщины из рук. Она ахнула, подхватила дымящуюся палочку с пола, ткнула ее в пепельницу затушить… потом вздернула подбородок.

– Какого черта?…

– Ты говорила, у тебя есть купальня, – спокойно продолжил архангел. – Я бы вымылся. Все любимейшие звезды на небосклоне, хоть порядок их и изменен немного. Это все – великая Эала. Мы дети единого замысла и единого Создателя, Творца, взаимосвязанные друг с другом и перетекающие друг в друга… надеюсь, что перетекающие. А потому нам следует учиться. И учить. Чтобы вы обретали свет… а мы – жизнь. Не вечную. Истинную.

– Ничего не поняла, – прошептала Ирма. – Пойдем в ванную.

Эльф допил то, что у него было, потом налил снова – в широкий, толстостенный стакан-бочонок на двести миллилитров, выпил безо льда залпом. И отправился в душ.

– Вот. У меня где-то есть мужской халат из Египта, сейчас дам. Ты пока раздевайся.

– Откуда в этой купальне взять воду?

– Там… надо покрутить. Только не ошпарься! Слушай, я зайду покажу? – Дверь в душ осталась открытой.

У Ирмы теперь даже мысли не возникало, что ее дурачат. Мысли у нее возникали совсем иные, много, и некоторые из них следовало бы обсудить со священником или психиатром.

– Покажи. Но я раздет.

– Ничего, я переживу… – Женщина вошла… и – да, он был раздет.

– Вот это душ, тут вода будет сверху течь… Вот так… а это джакузи, сюда можно налить воды, и она будет бурлить, массировать тело. Тут электронное управление. – Ирма смотрела прямо туда, где… ох! – не было ни единого завитка волос. А все остальное было – аккуратное, как на некоторых греческих статуях.

– Спасибо, я понял про душ. – Тайтингиль прервал сеанс любования прекрасным и встал под отрегулированный теплый поток. Глянул на Ирму.

Ирма смотрела на него.

– Спасибо.

– Вот мыло. Вот гель для тела, правда, запах цветочный.

– Этим моются?

– Да…

– Ир-ма!

– Прости, ухожу!

– Или уже вставай сюда, – неохотно сказал мужчина и показал на пол душевой кабины возле себя.

Ирма посмотрела ему в глаза… вздернула подбородок. Нет, она сверху. Она – состоявшаяся современная женщина

– и не желает уступать всяким там… эльфам! И такого тона не потерпит.

Вышла из ванной, хлопнув дверью, и бросилась к пепельнице раскурить измятую и изуродованную сигарету. Брать новую не хотелось.

Глава 3
Кровь

Витязь остался наедине с текущей водой. Открыл флакон, понюхал – похоже на масло, а запах душный, мертвый, слишком резкий и сладкий, лишь отдаленно напоминает запах живых цветов.

Сглотнул. Что-то было неладно. Этот воздух, вода, тяжелые ароматы – непривычные, названия которых он не знал…

Голые людские женщины, неприкрыто позволяющие своему телу волноваться и волновать чужие взоры.

Тайтингиль много раз бывал ранен и даже умирал – но для того, что происходило в замкнутой полупрозрачной кабинке, ощерившейся блестящими украшениями, у него не было подходящего определения. Тошнота ударила под дых – внезапная, резкая, сильная, будто он был отравлен. Ноги от колен потеряли чувствительность. Пальцы тоже онемели. Эльф крутнул ручку – потекла горячая вода, горячая, почти обжигающая плечи. Затем холодная. Ни та, ни другая не принесли облегчения. Задыхаясь, он прижался лбом к стене, не понимая, что это такое. Камень? Стекло? Дерево? Материал был неживым и словно высасывал силы.

Западня!

Сознание туманилось; губам стало солоно. Тайтингиль провел рукой по лицу – по торсу, по груди из носа щедро

стекали потоки красного.

Выйти. Немедленно!

Ладонь ударила в мутно-прозрачную стену: как же это открывалось? Вертикальные неширокие полосы стекла словно смыкались наглухо, ручки не было. Паника грянула в виски: западня, западня! Могучее сердце пропустило удар и затем забилось тяжело.

Прочь отсюда!

Воин ударил плечом – кабина с треском разлетелась, брызнув пластиковой мутью. Тайтингиль сделал шаг наружу, уже теряя сознание, пятная стены кровавыми отпечатками рук. Успел ухватить большое толстое полотно, обернуть бедра – и рухнул поперек выхода из уединенной комнаты, как подсеченный врагом, впервые в жизни лишившись сознания не в бою. Просто – вот так. Под давлением злой и едкой ворожбы чужого мира, стремящегося избавиться от незваного гостя, как избавляются от засевшего в тугом переплетении мышц острия стрелы.

Речь. Человеческая.

Это язык, который в сознании эльфа пришел на смену всеобщему наречию.

Тайтингиль ощутил: он лежит на мягком, уложен удобно, укрыт. Не ранен, но голова будто полна перемолотого месива, в котором слабо двигались мысли: мутные, вялые, тяжелые.

– Ирма Викторовна, ну, ничего не вижу такого. Немного алкоголя в крови и ничего предосудительного. Разве что его самого. Хотя бы эти уши, бодимодификацию сейчас делают везде, условия могли быть антисанитарными, отсюда заражение крови и вот такая реакция. М-м, хотя швы незаметные, очень аккуратные… Может быть, просто давление у него скакнуло, а про остальное будем судить потом, ладно? Анализы я взял. Счет на выезд подпишите, пожалуйста.

– В больницу не заберете?

– Не вижу даже, с чем брать. По-моему, субъект здоров как бык. А мазки – сделаем экспресс, завтра будете знать. На нос – холодное. Вот нашатырь. Если еще начнет валиться, сразу подсовывайте. Видите, мы с санитаром его еле подняли. Такой… неудобный.

«Лекарь».

– Благодарю. – Тайтингиль присел. Голова кружилась.

Кровь помедлила миг – и хлынула снова.

На плечи нажали мужские руки – настойчивые, опытные. Уложили обратно.

– Лежите-лежите. Ирма Викторовна, есть заморозка в доме? Лед для коктейля или хоть овощи замороженные? В полотенце и на переносицу. А вам, господин хороший, надо обследовать сосуды. Вон какое кровотечение, едва ли не стакан навскидку.

«Какие… сосуды? С чем сосуды?»

Тяжелая голова не желала проясняться.

– Благодарю…

– Раньше такое бывало?

– Никогда.

– Ирма Викторовна, он иностранец?

– Я только сегодня познакомилась… вроде да.

– Страховки, конечно, нет. Ну, вы осторожнее.

– Да, Андрей Валентинович. Спасибо, что приехали.

– Да на здоровье, Ирма Викторовна, всегда рад. Странный товарищ… гражданин, очень странный. Ничего, посмотрим, анализы посмотрим. Вы, господин хороший, поднимите подбородок – и держите брокколи на переносице, для вас повторяю. Вас сегодня не били?

– Нет… но я падал.

«Падал через складки Эалы, через миры, подвластный силе драконьего камня, следовал пути, проложенному когда-то могучим огненным зверем… я – падал».

– Ну, может, последствие стресса. Я поеду? Вы в порядке, Ирма? А то… укольчик.

– Нет, не надо, спасибо.

Тихие разговоры в прихожей; хлопнула дверь.

Ирма вернулась и подставила табуретку к дивану в гостиной.

– Четыре утра! Четыре! Еще хорошо, что завтра суббота и уборщица придет. Ну что с тобой стряслось-то? Поскользнулся, об кран ударился? Ты же не был пьян!

– Нет, – с замечательным прононсом ответил Тайтин-

гиль. – Не знаю. Твой мир не принимает меня. Меня… воина.

Ирма уперла ладони в бока.

– Ты амбиции-то подогни… воин! Когда свалился в обморок, никакой помпы в тебе не осталось.

Тайтингиль усмехнулся краем губ. Непонятные слова оказались понятны: его упрекали в гордыне.

– Меня много раз уносили с поля боя, истекающего кровью. Я привычен к этому. Принимаю твою помощь, твоего лекаря и благодарю за нее. Но эта битва – не с привычным врагом, держащим меч. Эта битва – с твоим миром. Вот сейчас он оборол.

Звякнули ключи – вошла Алинка.

– Ты собиралась к Наташе, – устало сказала Ирма.

– Ух ты, кровища! Твой чудик скопытился?

– Алина! Видно, давление скакнуло… Андрей Валентинович приехал со скорой, посмотрел.

Алинка – слегка подшофе, с разрисованным цветными разводами лицом, мокрая – подошла к дивану.

– Ужасно романтично. Брокколи. Бледный вид, господин стилист. Чем вам помочь?

Тайтингиль еще не слишком хорошо соображал.

– Липа… В вашем мире есть деревья? Скалы? Вода? Я бы поговорил с липой. Старой.

«Поговорил с липой».

Ирма нервно выдохнула.

Мятая полусонная Алинка поразмыслила, расплетая косички.

– Старые липы есть в сквере. В них даже осколки со времен войны застряли. – Дочка взяла со сковородки недоеденный кусок мяса и начала жевать. – Мам, тебе идет сидеть у койки раненого бойца. Признайся, это ты его сковородкой анфас приложила?

– Алина!

– Давай его к липе отвезем. Я бы посмотрела, как они болтают. Вы, дядя, встанете?

– Утро! Я выпила! Какие липы? Я с ума сойду, – заныла Ирма. – Что за наказание… хотела просто провести вечер, так суши сломались, мужик сломался… вечер сломался.

– Жизнь сломалась, – наставительно сказала Алина. – Жизнь у тебя, мам, сломалась давно. Все плохо. Рыдай.

Наконец витязь полностью пришел в себя. Протянул руку, взял запястье Ирмы. От этого касания по коже пробежал яркий короткий ток, женщина вздрогнула. Твердая теплая ладонь лежала на ней без похоти и кокетства. Просто держала.

– Извини, если нужны извинения. И подавать, и принимать помощь – наука. И иногда и то и другое непросто. За такое не извиняются, но уж если надо – извини. Ты ошиблась в своих ожиданиях на сегодня. Я сожалею.

– Ладно, – нервно сказала Ирма. – Гость все-таки.

– И долго он будет у нас… гостить? – равнодушно спросила девчонка, наливая виски.

– Три… Три дня.

Ирма не оставляла бойфрендов на ночь. Этого изначально хотела приютить на денек, потому что экзотика, потому что порода, красота и эта чарующая странность. Но теперь… теперь…

– Да и как его выгонишь? Он документы потерял. Беженец украинский, представляешь?

Беспомощное вранье.

Тайтингиль встал, не придерживая того, чем был наскоро укрыт, сбросил и флисовый плед. Положил кулек с полурастаявшей брокколи, завернутый в окровавленное полотенечко, на стеклянный стол с бронзовыми лапами.

Пошел к окну – будто неведомая сила тянула его туда. Вон из душной тесноты этого ненастоящего мира.

Алина перестала жевать, Ирма смотрела на витязя.

– Во! – громко сказала девушка. – Беженец! Я сейчас расческу принесу. Долг платежом красен.

Пальцы воина скользили по ручкам, изучая. Нащупал, понял – распахнул окно. Тяжело выдохнул. На самом горизонте едва заметно светало.

Тем временем Алина вернулась с табуреткой, которую использовала возле книжных стеллажей под потолок, и парой разных расчесок – с частыми зубцами, с редкими. Подставила к Тайтингилю лесенку-табуретку, встала.

Он дышал, вдыхал рассвет, а девушка разгребала длинные золотые пряди, закрывающие шею, плечи, спину, ягодицы.

Ирма, сидя на табуретке, смотрела – не дыша.

Вдруг Тайтингиль вытянул руки, и из городского пространства, из редеющей темноты, появились бабочки. Ночные – бражники и мотыльки, такие, которых горожанки Алина и Ирма и не видели никогда. Штук двадцать – они облепили кисти и запястья воина, трепеща крылышками.

– Да, здесь есть леса, – сказал Тайтингиль. – Есть липы. Есть та жизнь и та красота, которая понятна мне. Но… Я преодолел недозволенный рубеж. Для меня – недозволенный. Этот мир не рад мне. Но я ищу путь для своего народа. Буду искать, пока разрешит драконий камень. И уйду гостем, не став своим.

– Красота, – сказала Алина. – Непонятно, но здорово. Косу тебе заплести, как Аленушке?

Мутная, тяжкая хворь почти полностью отпустила Тайтингиля. Он снова сделался собой – чуткий, мудрый воин, ощущающий приближение врага наперед и неизменно готовый с ним биться. Ощущающий врага.

У витязя Нолдорина возникло странное чувство, что на него посадили – помимо бабочек, которыми с ним заговорила израненная, застроенная земля, – опасного паука…

Эльф тряхнул длинными, теперь гладко расчесанными золотыми прядями. Морок пройдет. Надо к месту силы. К липам.

Повернулся к девушке – она ойкнула. Ее голова благодаря табуретке-лесенке пришлась чуть выше его лица. Пару се-

кунд так и смотрели друг на друга – нагой эльф с волосами ниже ягодиц и мокрая разрисованная девчонка с торчащими во все стороны полурасплетенными косичками и с расческами в обеих руках.

– Благодарю, дева.

– Внизу волос нет… бреешь? – невпопад спросила Алинка.

– Что за мир? – невесело усмехнулся Тайтингиль. – Ты можешь думать о чем-то ином… дитя? Спасибо за заботу.

Бабочки вспорхнули разом и улетели.

Витязь расправил плечи, огладил себя по бедрам, будто хотел привычно уложить ладонь на рукояти меча.

– Алина, ступай, смой с себя краски, смени одежду и отправляйся спать. Ирма, тебе достаточно твоего крепкого вина. То же самое. Умыться, спать. Все, что возможно, я поясню завтра.

Голос его прозвучал так, будто меч был на поясе, и полный доспех с изображением розы, и узкий стяг с силуэтом сокола на тонком древке над головой.

– Ты распоряжаешься? – вскинулась Ирма.

– Кто-то должен.

Женщина раскрыла было рот – спорить, утверждать хозяйское право, но… Время было под утро, и слова эльфа были правильны, рациональны. Десять минут обычной суеты – остатки еды в холодильник, бутылку закрыть; Алинка вымылась и пошла стелить постель в гостевой комнате. Ирма

автоматически сделала дела, без которых ей, как хозяйке, не спалось бы.

– А утром поедем любить липы! – напоследок объявила Алина, втыкая наушники, и, зевая, ушла к себе. – Липы! Ну, чувак, с приветом… Но хоть не скучно.

Не глядя в глаза витязю, женщина показала его постель.

И ушла, запахиваясь в короткий шелковый халатик без застежки.

Тайтингиль не обольщался – лечь и заснуть, славно и крепко, не вышло бы.

Здесь – не вышло бы, да.

Закрыв глаза, он тут же спохватывался и раскрывал их снова – тьма за веками полнилась Врагом. Что-то тут было, в этом мире, чего он еще не нашел своим чутьем, к чему не привык, но неизбывно опасное, ужасное, налитое лютой черной мощью. Бдительно следящее за ним. Эльфу казалось, что он снова пробирается выжженными Морумскими Пустошами, не смея снизить бдительность ни на секунду.

Закрывал глаза – и его тянул в пропасть за златые волосы огненный демон, пересекая шею черным клинком.

Лежа в душистом, чистом полотне, в удобной, хоть и коротковатой постели, Тайтингиль не слышал, как рвется сквозь сжатые зубы его собственный голос. Он закрывал глаза, проваливался в зыбкое марево дремы и тут же просыпался – и стонал, пока к нему возвращалась ясность. Он

стремился расслабить тело, спину; успокоить взволнованное пространство, пояснить себе необходимость сна: как перед боем, когда волнению нет меры, но нет и места. Пытался привыкнуть к ядам и запахам, насыщающим все вокруг. Но даже лечь удобно никак не получалось.

В какое-то из пробуждений эльф ощутил – одеяло возле него поднимают. Вдоль него скользнуло другое тело – женское. Снова пахнущее сложными, небывалыми ароматами. Уже знакомыми.

Ирма молча прижала голову Тайтингиля к груди, устроившись поудобнее на подушках. Она гладила волосы и уши эльфа, ничего не говоря, ничего не поясняя. Просто прижав его к себе – щеку, подбородок.

Женщина никогда не ощущала свою жизнь настолько ярко. Как будто бизнес, деньги, развод, одинокое материнство, чертов фитнес, чертов органайзер, чертова квартирища с роскошным ремонтом – все это было только ради этой минуты. Пары минут.

Успокоить его.

Помочь… архангелу?

Ради такого можно жить, даже ради минуты, да.

Ирма смущалась – как бы он не зажег свет. Как бы не пришла Алинка. Но пришел только кот по имени Пиксель и лег поперек их ног – теплой мохнатой тяжестью. И негромко замурлыкал.

Витязь ожил – длинные руки стащили Ирму вниз, к себе,

разместили вдоль тела, прижали. Она была такая маленькая рядом с ним…

По дыханию стало понятно – эльф успокоился. Тайтингиль и вправду нащупал внутри себя то истинное, что позволяло выдержать баланс в чужой складке Эалы, чтобы остаться. Возможно, ненадолго. То, зачем его готов потерпеть этот мир. И чувство врага – да, оно стало ярче и определеннее. Враг тут также был. Битва предстояла. Земля самодвижущихся карет и дивных волшебных стекол желала его помощи. Неохотно, с трудом признавая собственную боль, но Земля согласилась – да, да, ты можешь помочь, витязь.

Губы Тайтингиля коснулись макушки Ирмы. Руки обняли женщину плотнее. Ирма закинула голень поперек его бедер, вслушиваясь в ровные, тяжелые удары сердца.

Дыхание выровнялось – витязь крепко уснул.

Ирме просыпалось тревожно – слишком тесно, слишком. Она обыкновенно ложилась в легкой шелковой пижаме, а тут – нагое тело словно чуть прилипло, приклеилось к другому, поза оказалась неудобной.

Да и вообще.

Подняла голову, женской чуйкой ощущая полный хаос смятой укладки, – посмотрела.

Вчерашний гость никуда не делся. Узкое мужское лицо, резное, может, чуть капризное сейчас, было обращено вверх, не на нее. Эльф словно изучал потолок, подняв точеный под-

бородок. Волосы, свернутые в жгут, были откинуты к стене у кровати. Глаза открыты.

– Ты давно не спишь? – хрипло спросила Ирма из-под его рук.

– Достаточно давно, чтобы услышать, что к твоей дочери пришел гость и они завтракают. – Голос тек низко, тяжело.

– А… ах ты черт…

Нолдоринец повернул голову. Посмотрел в глаза – пристально.

– Ох… ты давно проснулся?

– Мне достаточно нескольких часов сна. Мы, эльфы, живем дольше людей, а спим намного меньше, – задумчиво ответил остроухий мужчина. – В этом, я полагаю, есть какой-то смысл. Куда-то же отлетает ваша душа, пока вы спите.

– Душа… – повторила Ирма. И снова ее пробрал холод – душа! Архангел! И почему он…

Организм взывал о насущном – Ирма потянула легкий халат, скинутый накануне на пол, и, стараясь не показать тела, выскользнула из-под одеяла.

Тайтингиль разглядывал ее – прямо, заложив руку под голову. И расхохотался.

– Вот неугомонная ты. Ты полагаешь, у тебя остались какие-то тайны и есть необходимость прятаться? – спросил он. – Здесь принято так одеваться, что тайн не было с первого мига встречи в трактире. Так что можешь не смущаться меня.

– А-а? – Ирма обнаружила, что вправду смущена – впервые за много, много месяцев. – Я п-пойду умоюсь.

– А слова твои вчера были много смелее, – продолжал нолдоринец. – Напомнить?

– Прекрати…

– Я же не оскорбляю тебя, напротив, – лежа на спине, эльф перекинул ногу через ногу, – стремлюсь к учтивости. Я оденусь и приду приветствовать деву и ее молодого воина.

– А твои штаны и сорочка… Ах да, они в душе. Ты вчера разгуливал голым. Как хорошо, что у меня две ванных, – сердито заметила очухавшаяся наконец Ирма. – Одну ты разнес на хрен. Поищу халат тебе. – И пулей прыснула вон.

Захлопнула дверь, прислонилась спиной и задышала, словно после пятикилометровой пробежки. Черт знает что. Черт. Знает. Что.

Привела в порядок себя – душ, майка, шорты, укладка на скорую руку, макияж. Нашла халат, который позабыл у нее безалаберный приятель. Пошла обратно.

Витязь так же расслабленно валялся, почти стащив с себя одеяло. Посмотрел на Ирму.

– Вот, – она бросила на край кровати халат глубокого синего цвета из какого-то особого хлопка, – можешь ходить пока в этом. Не лезть же тебе в твои штаны… В крови все. Их, кстати, и рубашку, запущу сейчас постирать… а?

– Спасибо.

Тайтингиль упруго встал с постели, взял халат, и…

Замер с махровой тканью в руках. Лицо его менялось при виде безобидной тряпки, руки на ней сжались так, что побелели костяшки. Ирма попятилась в ужасе.

Не мужик, а скопище непредсказуемостей.

– Ты-ы… – низко прорычал витязь, делая широкий скользящий шаг, – ты-ы…

Ирма завопила.

Через секунду в гостевую комнату на бельэтаже квартиры вбежали хорошо подкачанный мальчик лет двадцати, в облепившей тело майке, и Алинка – Тайтингиль стоял вплотную к визжащей Ирме и грозил ей халатом.

– Чья это вещь? Чья?

– Приятель оставил тут, приятель, отвали, пси-и-их! – Нервная система Ирмы дала сбой, что выразилось в ультразвуке. Парень замер, не зная, бить или не бить, да еще и растерявшись, что дядька голый; Алинка бросилась к Тайтингилю, бесстрашно поднырнула под руку и отобрала халат.

– Это дяди Котика! Чего ты разошелся?

– Дяди? Котика? Где он? – рявкнул Тайтингиль.

– Котика трогать нельзя, он хороший, он меня в Диснейленд возил и на кастинги! – завопила Алинка. – Ма-а-ам!

Ирма теряя рассудок некстати вспомнила, как ложилась на пластику лица – да, она попросила приятеля приглядеть за четырнадцатилетней тогда дочкой. И обнаружила их по телефону спустя двенадцать часов в Диснейленде возле Парижа. А учитывая, что доверенности на подростка у Котя-

ры не было, это оказалось нереально круто. Сорванные ором связки Ирма по времени лечила столько же, сколько заживали прооперированные веки и подтянутый подбородок.

Но иначе господину Котову, человеку и явлению, присматривать за Алинкой было скучно.

Ирма облизала губы.

– Чего разошелся? Ну да, приятель оставил, и что? Гордый такой? Чужое не наденешь?

– Ты не понимаешь, – прорычал Тайтингиль, – не понимаешь… Где он? Где?

Его охватила ярость, привычная ярость боя. Мысли о враге получили совершенно конкретное подтверждение. Кто-то из его мира оказался здесь раньше его самого. И обосновался – спокойно, без боли, без крови, без постыдного обморока. И обзавелся вот таким халатом.

Ярость!

– Может, вы все же оденетесь? – подал голос парень.

Витязь раздраженно забрал из Алининых рук халат, с видимым отвращением надел, запахнулся, подпоясался. Посмотрел на парня:

– Приветствую.

– Макс.

– Тайтингиль.

– Что?

– Тайтингиль. – Витязь глянул внимательнее.

Хороший воин, молодой, ладный. Тело переливалось, та-

лия была узко схвачена. Одежда, как у всех здесь, открывала максимум из возможного.

Шагнул вперед.

Парень попятился, чудно сложил руки, видно, в каком-то оборонительном жесте.

– Вы псих!

– Точно! – с удовольствием сказала Алинка. – И это наш псих, Макс! Маман его нашла и решила себе оставить.

– Ты-ы… – снова угрожающе зарычал витязь, теперь – на парня, – ты с темными колдунами дружбу водишь, отрок?

– Отойди от меня! – Голос парня сорвался на фальцет. – Отвали, придурок!

Тайтингиль безошибочно цапнул Макса и подтащил к себе, невзирая на короткие удары и сопротивление – как щенка; сунул руку в задний карман тугих джинсов, двумя пальцами выудил плоский конвертик…

– Аа-а-а! – заорала Ирма.

– Ма-а-акс! – возмущенно взвыла Алинка. – Ты говорил, что не-е-ет!

Парень бился пойманной рыбой и молчал.

Нолдоринец распотрошил бумажонку, понюхал тусклый порошок с вкраплениями синего. Названия он не знал, но знал, что это – яд, яд от некромантов или же иных душегубцев, туманящий рассудок. Можно было даже не брать на палец, не пробовать.

– Алинка! А ты? – вскричала Ирма.

– Я же не дура!

– Откуда вы-ы?… – выводил рулады парень, которому никак не удавалось вывернуться окончательно. – Откуда вы-ы узнали?…

– Я понял. – Тайтингиль откинул юнца прочь. – Люди, люди…

Внизу раздался звонок; Ирма подпрыгнула – черт, черт! И бросилась открывать дверь.

Пришедшего невысокого человека в скромном сером костюме проводила в кабинет и затихла там, закрыв дверь.

Макс смотрел исподлобья.

Алинка, проследив сверху через перила за гостем, повернулась к двум мужчинам.

– Ну что, пошли кофе пить?

– А ты… а я… – замямлил Макс.

– Пошли, пошли. Я тебя там и убью, – пообещала Алинка. – Почетная прабабушкина сковородка из «чугуния и алюминия» уже Тайтингилева, так я тебя тефалем.

Витязь невольно улыбнулся, поняв смысл, – и сурово нахмурился, глядя юному воину прямо в очи.

– И дерешься плохо. Кто учил?

– Да уж учили. – Макс прятал глаза.

– Ладно. Кофе? Пойдем же.

На кухне юноша и девушка уселись за стойку, взяв остывший напиток. Тайтингиль изучал все, что теперь было навалено на столе, – баночки с йогуртами, миску с хлопьями,

круассаны из пакета, воду из обоих кранов – с фильтром и без, и воду из бутылки. Понюхал чашку Алининого кофе. Взял полуторалитровую бутылку воды, забрался на широкий подоконник и, прихлебывая, смотрел с двадцать второго этажа на окружающий мир, скрестив ноги в щиколотках.

– Чего ты так на Котика рассердился? – спросила Алинка, болтыхая в молоке хлопья ложкой с Микки-Маусом на ручке.

– Вы давно его знаете?

– Да, очень. Я и не помню, с какого моего возраста. Он мамин… друг. Сейчас в Эмиратах отдыхает.

– Вот что, – прошептал Тайтингиль.

Ничего случайного не происходит. Ничего. Котик, стало быть. Тварь, дорогая Ирме и Алинке. Он? Он, неведомый враг? Уехал? Что ж, вернется… И тогда, тогда…

– Друг, да. Ну, бывший, – осторожно добавила девушка, не так поняв реплику. – А вообще-то мама ни с кем не встречается.

Эльф мог бы добавить, что чуял это, ощущал – Ирма желала его, да, и Ирма вправду была одинока.

– Стоит ли обсуждать дела матери с двумя мужчинами, одного из которых ты знаешь всего день? – раздельно спросил нолдоринец.

– Э-э-э, – сказала Алинка, – что-то мне в голову не пришло. Нормальная же тема?

– Да? – И витязь вздернул одну бровь. Бутылку воды он

допил.

– Завтракать будете?

– Я не завтракаю.

– Так уже почти время обеда…

– И не обедаю. Это привычки гномов, – надменно сообщил витязь. – Еще людей. Я не ем пять раз в день.

– Понятно, повернутый на диете, – буркнул Макс, доселе помалкивавший. – А как вы едите?

– Я ужинаю, – усмехнулся Тайтингиль. – Ужинаю доброй пищей, которую добываю сам или получаю от друзей как угощение. С вином и застольной беседой, иногда даже под пение дев. Если повезет. Не торопясь и вкушая с удовольствием.

– Что-то в этом есть, – прошептала Алинка.

Ирма тем временем проводила серого человека и вошла в кухню. Макс по привычке уставился на ее формы, перехватил нейтральный, ничего не выражающий взгляд мужика в халате, сидящего на подоконнике, затянувшего туда длинные костистые ноги с выступающими рельефными лодыжками… и потупился.

Ирма двумя пальцами несла пакетик.

Потрясла, насколько получилось, перед носом Макса.

И отправилась в ванную. Стала там чертыхаться, оценив степень разрушения окровавленной душевой кабины.

– Я пойду. – Макс неловко сполз с барного табурета и бочком отправился на выход.

– Стоять! – рявкнула Ирма. – Дети, вы поели? Вот три ты-

сячи, идете в сток на углу и одеваете мне Тайтингиля. Принесите что-нибудь ему, просто одеться, без затей. А потом мы поедем и купим нормальную одежду. Все понятно?

– Ого! – хищно сощурилась Алинка. – А от Котика больше ничего не осталось? Для стимуляции? Мне понравилось, Тай так ррр… ай-ай!

– Имени не усекай. – Витязь снова цапнул ее ухо. – Забылась? Не потерплю.

Когда молодые ушли, Ирма уставилась на эльфа.

– Приходько Игорь Борисович звать тебя будут, – сказала она. – Документы и справки завезут через два-три дня. Срочность такая… стоит денег. Но. Они у тебя есть. Деньги. У тебя какие-то феерические вещи, Тайтингиль. Потрясающие. Правда, покупатель сказал, что пробьет по всем базам. Понимаешь?

– Нет, но вижу по тебе, что новости хорошие, – сказал Тайтингиль, поднимаясь.

Еще спустя час он сидел в машине Ирмы – хозяйка хохотала с подвыванием, упав лбом на руль. Тайтингиль сдержанно улыбался. Узкие джинсы всех цветов радуги оказались до середины голеней, открывая кокетливый верх белых носочков, выглядывающих из кислотно-зеленых кед. Алинка нашла единственную пару сорок седьмого размера, и она оказалась – именно такая, цвета синтетической лягушки. И синяя майка-парашют с Бэтменом на груди.

– Я не знаю, – прорыдала Ирма, – в какие нормальные

магазины нас пустят… Ну, Алинка…

Эльф улыбался сдержанно.

– Возможно, стоит уже поехать? Одежда удобна и не слишком сковывает меня, – сказал он, – если бы не эти ваши трусы. Но рисунки и цвета мне не понятны, а я никогда не ношу неизвестные символы.

Ирма вспомнила, как они с Алинкой впихивали эльфа в белье, демонстрируя в качестве образца Макса и читая лекции по мужской гигиене, и снова взвыла, хохоча во весь голос и утирая слезы.

– Не… пе… ре… жи… вай… это великий во-оин… а-а… у тебя на груди…

Тайтингиль снова улыбнулся и посмотрел в окно.

Он уже мог дышать тут.

Он дышал.

Значит… Значит, дядя Котик…

Отсмеявшись, Ирма завела машину.

Если у нее и были сомнения, после истории с трусами все встало на свои места. Тайтингиль, а по паспорту господин Приходько, был не от мира сего.

Точно.

Глава 4
Сама

Ирма открыла бардачок – оттуда посыпались разномастные очки; выбрала одни, нацепила и плавно тронула машину с места, все еще усмехаясь.

Пока они мягко ехали по окраинам, выбираясь в центр, витязь присматривался к людям на улицах. К самим улицам, к многооконным зданиям, похожим на испещренные насекомыми пни. И когда Ирма затормозила на небольшой стоянке около сплошь забранного темным стеклом ультрасовременного фасада, сам открыл бардачок, взял себе очки, надел.

Имидж получился еще более впечатляющим.

– О-хо-хо, – сказала Ирма, – какое счастье, что меня тут знают. Иначе бы не пустили, без шансов.

Следующие три часа превратились в сплошной кошмар.

Тайтингиль, безропотно надевший все, что ему принесли Макс с Алинкой, видно, действовал по присловью – «на войне как на войне». Теперь же он, понимая, что с новой одеждой ему жить придется достаточно долго, привередничал.

Ему не нравились логотипы, вышивки, пуговицы, цвета. Он нюхал ткань, разве что не пробовал ее на зуб; трикотаж «Лакост», на который ставила Ирма по причине качества и ассортимента, был забракован из-за крокодила – дракона! Прочие марки осуждались по схожим причинам.

Продавщицы плясали вокруг, как подскипидаренные; явился управляющий бутика, затем соседнего и потом еще одного. Все брюки и джинсы оказывались коротковаты, но Тайтингиль послушно примерял все новые и новые модели, сцепив зубы, с типичным мужским выражением лица.

На. Войне. Как. На. Войне.

Послали в соседние магазины; принесли еще рубашек, еще джинсов и брюк, курток. Бесчисленное количество пар обуви. Через упомянутые три часа выбрано было темное белье, темные неброские носки, серые кроссовки городского типа, три одинаковые серые майки качественного ноунейма, который догадался не выносить никаких надписей на лицевую сторону изделия, и одни джинсы светлой варенки, подошедшие на рост нолдоринца. Ирма подвывала, выкладывая за джинсы невероятную сумму тайтингилевых денег; управляющие трех бутиков, собравшись вокруг витязя, судорожно записывали его параметры и запросы, предвосхищая светлое и прекрасное финансовое будущее, связанное с этим клиентом.

Видя, что архангел еле сдерживается, чтобы не расшвырять их, как кегли, прекратив докучливое ощупывание и обсуждение его статей, Ирма выдернула витязя из круга новообретенных почитателей и за руку выволокла на улицу, удерживая в другой руке яркие глянцевые пакеты.

– А как же вы раньше одевались? Шили на заказ? – донесся вслед последний вопрос.

– Разумеется, – буркнул нолдоринец.

Ирма упала за руль, и глаза ее расширились.

На заказ! Ну конечно!

Еще спустя десять минут Тайтингиль шокировал своим фриковатым имиджем персонал кафе, в котором – Ирма знала – были отдельные кабинетики с диванчиками, а сама Ирма погрузилась в воспоминания, ковыряясь в чизкейке ложечкой.

– Если ты – Абрам Израилович, ты обязан первоклассно шить, – говорила бабушка, ведя маленькую Ирму по улицам огромной Москвы.

– Почему?

– Ах, не спрашивай. Просто обязан, и все. А если ты дама второй молодости, как я, – бабушка кокетливо скосилась, – то ты обязана одеваться только у Абрама Израиловича.

– Почему?

– Ах, не спрашивай! Мне нужно чудо, чтобы со спины ко мне обращались «девушка» еще лет двадцать, – выговорила бабушка.

– Зачем?

– В общем так, Ирмочка. Ты молчишь и заводишь полезные знакомства, а Абрам, ах, измеряет твою бабушку в отдельном кабинете, – строго сказала бабушка. – Абрам Израилович волшебник, и сын у него таким же будет. Если тебя зовут Лев Абрамович Беспрозванный, ты обязан быть пер-

воклассным портным…

Беспрозванные, скупившие три или четыре квартиры старого дома с парадным на Красных Воротах на первом этаже, были известны по всему миру. Их одежда и правда обладала колдовской силой – скромная ручная вышивка, затейливый вензелек на уголке рукава или полы автоматически обозначал, что ты в состоянии заплатить за гардероб стоимостью автомобиля и при этом выглядишь как лорд, даже не убиваясь в спортзале. Платья и костюмы выпрямляли осанку, убирали животы, возраст, садились второй кожей – и при этом Беспрозванные сроду не выходили на подиум со своими вещами. «Как шить на этих девочек, как, – сокрушался Абрам Израилович, – у них же ничегошеньки нет, кроме дезодоранта под мышками, я не смогу, не смогу…»

Очередь на пошив стояла до полугода; все делалось там же, в соединенных воедино квартирах первого этажа на Красных Воротах. Столы, мастерицы, ножницы, ткани валом, рулоны и вешалки; покосившиеся комодики пуговиц и ниток, манекены и утюги. Маленькая Ирма толка в этом не понимала, но Лев Абрамович, который тогда считался юным и неразумным, сорокалетним всего, сшил ей пару костюмов, которые она не оценила, и платье на выпускной бал, которое привело к скоропостижному браку с физруком.

Эта квартира никогда не знавала урагана евроремонтов, никогда не обвешивалась вывесками – наследник традиций Малой Арнаутской по старой памяти прятался не только

от закона, но и от любых лишних и нежелательных глаз и граждан. Абрам Израилович поразил тогда Ирму – невысокий, с крупным носом, пучками разнородной растительности на лице, толстенький, с пальцами-сосисками, непонятно как управляющимися с тончайшими иглами и шелковыми нитками, он привлек, обнял, облобызал бабушку так, словно имел на это полнейшее право, и увел в упоминавшийся кабинет, плотно притворив за собой дверь. Измерения всегда длились долго, и мешать было нельзя – при любом вопросе или стуке Абрам Израилович ругался, не открывая, – так, что краснели даже стены.

Лев Абрамович выглядел очень похожим на отца – та же приземистая фигура, те же сивые уже в сорок лет, разросшиеся брови, тот же крупный нос. Глаза его всегда сияли, и Ирма, уже делаясь девушкой, недоумевала, отчего настолько страшный коротышка способен шить такие умопомрачительные вещи и отчего к нему так липнут женщины.

Абрам Израилович вроде бы даже не почил, хотя лет был преклонных, а убыл на историческую родину, так как в национальной принадлежности тут не усомнились бы даже самые строгие генетики. Но Лев-то Абрамович оставался там же – в квартире, заполненной запахами горячего утюга, тканей, старого деревянного пола, старых бумажных обоев, которые отходили кое-где, обнажая пожелтевшие газеты за 1935, 1936 и 1937 годы.

– Ирма!

– А? – Ирма вздрогнула.

Витязь смотрел ей в глаза и улыбался.

– Ты куда-то ушла, Ирма. Что ты вспоминаешь?

– Ты поел?

– Я попил. – Нолдоринец показал на три бутылки разных марок воды; одна была пуста. – Мне достаточно.

– Я чувствую себя обжорой, – призналась Ирма.

– Ты человек. – Остроухий пожал плечом.

Последний раз Ирма переступала порог квартиры на Красных Воротах перед своей последней свадьбой. Все решалось стремительно, на нервах; гости ожидались самые полезные и высокопоставленные. Лев Абрамович за трое суток сшил ей невероятную вещь, напоминающую ночную сорочку и платье принцессы одновременно, и взял за нее как за вертолет. Последние сутки ушли на то, чтобы три юные девушки, которыми себя любил окружать пожилой портной – и никак не стилист и не кутюрье, никак! – вручную вышили наряд тончайшими нитками в тон.

Ирма вздохнула.

– Что ты придумала? – с любопытством спросил Тайтингиль.

– Сейчас домой на пару минут, – решительно сказала Ирма, – и потом ко Льву Абрамовичу. Я не буду звонить, если там старые порядки, меня должны узнать.

– Лев-абрамович?

– Он шьет одежду, – улыбнулась Ирма. – С твоими запро-

сами иного варианта не вижу, витязь. Поедем.

Нолдоринец кивнул.

Ирмина машина мягко прошуршала шинами в тесно заставленном дворике. Странно, везде уже платная парковка, а тут все еще можно втиснуться… Вот и задняя дверь подъезда – высокое парадное со стороны Садового кольца наглухо закупорено. Домофон не работает. Подъезд пахнет истинной московской стариной; витые чугунные перила идут наверх, к пролету лифта с сетчатой дверью, открываемой вручную. Не переделали еще.

И слава богу.

Подниматься наверх было не нужно – вот дверь. Толстая, деревянная, много раз крашенная. У Ирмы возникло ощущение, что машина времени стремительно отматывает не просто годы, а десятилетия назад, в прошлое.

Позвонила.

Дверь приоткрылась – девушка в маечке, сплошь заколотой иглами с хвостами разных ниток и английскими булавками, робко спросила имя и исчезла внутри. Минута. Тайтингиль выглядел напряженным в своем бэтмене и зеленых кроссовках. Оглядывался с изумлением.

– Проходите, Ирма Викторовна, – пискнула появившаяся в дверях девочка.

Да-да. Кривоватые вешалки и стеллажи с разнородной растоптанной обувью, никакого тебе ресепшна. Антиквар-

ные буфеты, диванчики по пятидесяти лет от роду, крытые лоскутными покрывалами, пошитыми из остатков заказов; на вид – вопиющая богемная, портняжная нищета, неуловимо пропитанная духом очень больших денег. Витязь шел, прямой как меч, с любопытством озираясь. Остановился, тронул пальцами сшитое вручную покрывало, отстроченное тесьмой и кружевами. Улыбнулся.

Ирма дышала тяжело, слишком много воспоминаний – о любимой бабушке, о последней свадьбе; она долго, очень долго не посещала Беспрозванных.

Везде какие-то люди – немного, но и их достаточно. Гламурная парочка, одетая почти как Тайтингиль, целуется у окна; белошвейка греет турку в песке на бывшей кухне; стучат машинками две мастерицы постарше; тощий подросток, крашенный в оранжевое и черное, прилежно утюжит переливающийся лоскут на огромном столе.

– Ирмочка, Ирмочка, сколько лет, сколько зим!

И Лев Абрамович.

Ирма ощутила, что к глазам подступают слезы. Вот так, Москва. Вот так. Кое-где – традиции твои живы еще. Как же хорошо…

Бросилась вперед, дала старому еврею себя обнять – он всегда так обнимал, двумя руками и где-то на уровне талии-ягодиц, прижимая даже не к похотливому сгорбленному телу, а сразу к душе. И все ему прощалось – нос картошкой, брови неухоженного эрделя, зашморганная рубашечка с

заплатками на рукавах, клочковатая жилетка из овчины, вытянутые на коленях треники, растоптанные матерчатые «ни шагу назад»…

Руки портного дрогнули и налились неожиданной сталью. Ирма шарахнулась, оторвалась – под свисающей с трехметрового потолка люстрой-абажуром Тайтингиль стоял прямой, словно выточенный из куска золота, засыпанный волосами, облившими плечи, и смотрел прямо на старого еврея.

На Льва Абрамовича.

– Дверг, – сказал эльф ровно, с удивлением. – Дверг, подгорный, ты!

Лев Абрамович бросил Ирму и, расставив руки, пошел чудноватой присядочкой к витязю.

– Светлейший! Батюшки мои, великие праотцы! Дождались, дождались чуда! Заступник… – Из глаз потекли слезы, и портной, точно так же, как и Ирму, крепко обнял витязя за бедра, вжавшись щекой в Бэтмена.

Нолдоринец смотрел сверху на сивую макушку и не вырывался.

– Беда у вас тут, дверг?

– Беда, светлейший. Никто уж не надеялся, – всхлипнул в дешевый трикотаж Лев Беспрозванный. – Все утеряно, утрачено, что делать, никто не знает, растерялись все. Да и вериться уже перестало – наша семья одна из последних. А ты пришел, значит…

– Э-э-э, – сказала Ирма.

– Детка, – с чувством объявил Лев Абрамович, отпуская Тайтингиля, – витязя светлейшего одену бесплатно я, и тебе, тебе презент; придумывай, что ты хочешь. И ступайте за мной.

Извитая, угловатая старомосковская квартира обладала черной лестницей, ведущей вниз. Пройдя закоулки своего швейного мирка, Беспрозванный отпер замок, открыл крашеную-перекрашеную дверь и широким жестом пригласил Ирму и Тайтингиля спускаться в переплетение узкой лесенки, охваченной летящими перильцами.

По пути вниз по лестнице голова у Ирмы закружилась. «От запахов, что ли? Какие тут странные запахи…» – мельком удивилась она. Наверху пахло обычно, старой московской квартирой. Нижний ярус, огромный полуподвал был насыщен странными, диковинными ароматами.

Удивленная, ошеломленная Ирма оглядывалась по сторонам. На стеллажах из сияющей сосны лежали штуки бесценных тканей, свитки, тяжелые книги, поблескивал металл и порой сверкали драгоценные грани камней. Мебель, обстановка – все было здесь неуловимо иным. Даже не старинным, а, казалось, вовсе нездешним. Низкие широкие диваны и вазы причудливой формы. И шкатулки на стеллажах, шкатулки, стоящие между рулонами ткани и всевозможными фигурками.

Тайтингиль шел как ни в чем не бывало. Создавалось ощущение, что все здесь ему знакомо. Мимоходом откинул

тонкими сильными пальцами пару крышек – в шкатулках и сундучках засияло злато.

Лев Абрамович проследил за его снисходительным взглядом, покивал и сказал, обращаясь скорее к Ирме:

– Вот так, детка, надо же иметь какие-то твердые накопления… убеждения, а не только циферки на карточках и бумажках.

В подземелье Ирме сделалось нехорошо, но нехорошо по-особому – сладко, непривычно, и поэтому она никак не обозначила свою дурноту.

Откуда-то появилась широкая фигура в платье до пола; Ирма рухнула на мягкий, почти восточный диван. Тайтингиль спокойно сел рядом. Женщина (Ирма никогда не видела постоянных дам возле прославленных портных, они что же, прятали их вот тут, в подземелье?) поставила поднос, чашки дымящегося травяного чая, мацу, мед, орехи.

– Ты выпей, – ее голос тек низким контральто, обволакивая слух Ирмы, – ты выпей чая, девочка, тебе станет полегче-е-е…

Ирма пригубила чаю и после пары глотков вовсе потеряла контроль за происходящим.

Эльф – ел. С видимым удовольствием брал хрупкую мацу, макал листочки в тягучий янтарь меда, закусывал орехами и сыром. Пил травяной отвар, не принюхиваясь и не корча обычные брезгливые гримасы.

Ирма слушала обрывки голосов, слушала как через стену,

через вату, в голове у нее шумело.

– Мне тебя, светлейший, и измерять не надо… Одежда будет тебе и впору, и удобна. – Лев Абрамович чуть всхлипывал.

– Какого вы рода? – невозмутимо спрашивал эльф.

– Древний род наш – род Чернобородов. Нас так мало осталось тут, и вообще мало осталось, всего несколько семей. Давно прошли мы сюда, спасаясь от Претемного, давно попали на эту складку Эалы, на Землю, тайным драконьим путем; давно, витязь. Вот, живем…

Чернобородов? Ирма оглядела клочковатую сизую бородишку портного и снова вернулась ушами в разговор. Ушами, не рассудком: рассудок плыл, плыл… Она пригубила еще травяного чая.

– Я беду вашу знаю, – говорил Тайтингиль. – Врага почуял уже. Теперь знаю, кто он. Сильный воин орочьего племени. Найду и убью.

Портной всплеснул руками.

– Орк? Что ты! Орки – это пустяк, тут есть и они, немного, но есть. Неопасны совершенно; некоторые бежали, думается, в те же годы, что и мы. И от той же войны. Несладко же обеим сторонам пришлось, горы Восточного Морума залиты были кровью всех цветов. Живут, выживают как могут. Женщина одна… – Лев Абрамович потянулся к острому уху эльфа. – Орчиха… в Государственной думе! Тоже обшиваю… должна же человеком выглядеть… Орки! Чтобы я так жил! Я их

почти люблю. Много хуже у нас дела. Помнишь ли ты, эльф, древние сказания о Темных Противниках? О Первозданном Хаосе, ошибке Создателя?… Та, она… Сама! Сама здесь, ты понимаешь, витязь? Вот то-то и оно… А если Сама обоснуется здесь и начнет плести, то и нам, и всему миру этому придет конец. И ведь уже не сбежишь…

– Сама-а? – нахмурились светлые брови. – Рожденная Мраком? Ты не путаешь, дверг? Сколько раз ее изгоняли из Эалы…

Лев Абрамович невесело покачал головой.

– Хотел бы я путать такие вещи… Изгоняли – да не уничтожили. Мы сперва не поверили же, не поверили, но начали расследовать… анализировать. Расскажу тебе: племянник мой, дверг лишь на четверть… – Его голос снизился до шепота, и Ирма различала лишь отдельные слова: – Искали долго… нашли один скелет, а на скелете…

Тайтингиль кивал – молча.

– О чем? О чем вы говорите? – спросила Ирма сквозь силу.

– Ирмочка, ты отдыхай, золотая моя, – растревожился Лев Абрамович. – Сара, еще чаю гостье! – Отчего-то это прозвучало резковато. – А ты что же, светлейший? Как ты здесь?

Тайтингиль встал, почти коснувшись сияющей главой потолка подвала подгорных двергов – гномов. Простер руки.

– Здесь на небосклоне те же, любимейшие звезды Эалы, эльфийские звезды, воспетые и обласканные. Неруши-

мая воля Творца, Создателя Всего, дверг. А звезды, оказалось, живые, трепещут. Я хочу вернуть эту жизнь в угасающую судьбу эльфов. Хочу прикоснуться к небосводу… Хочу ступать по звездам, хочу иной складки бытия, где наш народ будет жив, горд и прирастать детским смехом. Я против Чертогов Забвения с их блаженным вечным сном. Я не хочу уходить туда – чтобы после не осталось ничего, и даже памяти… Понимаешь?

– Понимаю, – тихо шепнул портной. – Наступишь на нашу Москву, на нашу Землю, наступишь – и к звездам. Так, витязь?

– Так, благородный дверг.

Тайтингиль и Лев Абрамович говорили бесконечно долго. Это была задушевная беседа, в которой Ирма не понимала ни слова. И некогда было понимать – ее постоянно отвлекали шитьем. На колени плавной волной ложились ткани, кружева, эскизы; чай подливался заботливой рукой, она что-то выбирала, комментировала цвета и фасоны. Мозги шевелились с трудом, соображалось медленно, заторможенно – отчего? Зачем она пришла сюда? Заказать одежду для Тайтингиля, потому что на высоченного эльфа в магазинах ничего невозможно было найти… Но почему теперь и ей собирались шить платье на бал? На какой бал… выпускной у Алинки уже был, а ее собственные балы канули в далекое прошлое. И морщинки у нее, как ни закалывай их коллагеном… В итоге Ирма рыдала на совершенно необъятной гру-

ди неизвестной ей Сары, по очереди рассказывая обо всех козлах, пропахавших борозды в ее судьбе…

Лучше мальчики-эльфы, молоденькие косплейщики с горящими глазами и сладкой плотью, наивные мечтатели с крепкими красивыми телами, с длинными волосами! Подхватила на вечер, поиграла в сказки, и до свидания.

Она так хотела и с этим. Оказался – настоящий эльф. Он настоящий… Вечно юный и такой сильный, грозный. Или не эльф? Кто? Архангел?

Тайтингиль.

На нее смотрели внимательные серые, переливающиеся аквамарином и аметистом одновременно глаза под светлыми ресницами; эльф беседовал с двергом и поглядывал на нее. Поглядывал, временами плотно сжимая губы, сухие, похожие на шрам, губы, кривящиеся на узком благородном лице.

Она ловила на себе этот взгляд и думала: «Я засыпаю? Я сплю?» И снова прихлебывала травяной чай с густым, душноватым ароматом. И засыпала опять.

Дальше Ирма ощутила, что ее возносят ввысь невероятно сильные руки, ввысь – и она обхватила шею эльфа, зарывшись лицом в золотые волосы, и на минуту поверила, что все-все-все будет хорошо.

Тайтингиль поднимался по ступенькам; Лев Абрамович семенил где-то внизу.

– Мы разузнаем, светлейший, – звучал его голос. – А вам

бы кого-нибудь в оруженосцы, кто Москву хорошо знает. Да где сейчас возьмешь хорошего оруженосца?

– Хорошие оруженосцы на дороге не валяются, – ровным, низким голосом соглашался эльф, и Ирма слышала, как звуки его голоса зарождаются в глубокой груди. Она вцепилась крепче и шептала ему в ухо, под волосы, шептала, не убежденная, что выговаривает эти слова вслух: никогда не отпущу тебя, никому не отдам, ты мой, мой, мой архангел, я не смогу уже без тебя…

И руки, несущие ее, чуть пожимали ее – словно ее всю, все ее тело.

– Если это она, дверг, – будет славный бой… – говорил эльф, и в голосе его читались неслыханные доселе грозные, мрачные нотки.

Лев Абрамович снова раскудахтался.

– Я посажу Изю за руль вам, Ирмочка же вести не сможет… Ирмочка, ну-ка, что у нас с тухесом?[2] Ах, ах, уменьшила-таки она тухес свой, на полразмера! Сарочка, смотри, учись. Изечка, карточка у нас Ирмина где? Так и впиши – в тухесе минус пять сантиметров…

– С-с-спасибо… – простонала Ирма, невольно вспоминая кровавую фитнес-бойню за эти минус пять сантиметров в тухесе.

– А таки в сисечках? Витязь, поворотите даму… Так, ну тут минус два сантиметра, что не может не огорчать. Ирмоч-

[2] Тухес – задница (*идиш*).

ка, будет вам платьице как у принцессы. Несите, светлейший. Изя сядет за руль, чтобы вы таки домой доехали. До скорого свидания…

Вышли на улицу. Ирма полной грудью вдохнула колкого, едкого московского воздуха, потягиваясь в объятиях Тайтингиля.

Слегка плешивый Изя за рулем благодаря своему неожиданно передовому смартфону уверенно лавировал по Москве, глубоко убежденный, что никакие дорожные витязи его не остановят. Ирма лежала в руках Тайтингиля и пыталась понять, чего коварная Сара накапала ей в чай – она ведь накапала, накапала, точно, точно-о-о… Иногда женщина постанывала, выгибалась, раздираемая самыми разными чувствами и сомнениями; и тогда руки эльфа смыкались плотнее.

Это было невыносимо.

Сладко и чудесно.

Невыносимо-о-о…

Сказочно, да!

Просыпалась Ирма, как после бутылки виски. Голова гудела и плыла, в ухо бился истерикой айфон, в дверь звонили. Она дернулась – словно во все стороны сразу, рванулась; резко села, физически ощущая красные пятна на лице, растрепанные волосы и влажное кружево между ног.

Айфон заткнулся.

Внизу раздался звонкий Алинкин голос:

– Ага, спасибо, да, давайте распишусь, Льву Абрамовичу привет. С по-це-лу-ем!

Ирма резко вздернулась. Она была в белье и лежала на кровати в гостевой комнате. Тайтингиль был рядом. Небрежно подпирал голову рукой, нагой, с легким одеялом поперек бедер. И смотрел с локтя на нее.

– Я… ты меня… я тебя… я сейчас, я в душ, – залепетала Ирма.

– Если ты спала у меня вчера, – с расстановкой сказал витязь, – почему тебе не спать у меня сегодня?

– Логично…

– Алина просила передать тебе – понедельник, – сказал эльф.

– Блин! – Ирма подпрыгнула, будто ей в тухес всадили соли из дробовика. – Опаздываю! Бежать!

– И это важнее, чем то, что ты и я здесь? – продолжил эльф.

– Ах-х… – Ирма закусила губу и скосилась в айфон, зажатый в руке. Кто же звонил? Совещание? Встреча с инвесторами? И на эльфа. И на айфон снова…

Тайтингиль встал – волосы расправились и заблистали. Подошел, нагнулся.

Ирма замерла, чуть не обливаясь слезами.

Он провел большим пальцем по ее губам – жестко, сминая нежную плоть. И неожиданно строго, даже зло выдохнул:

– Лучше мальчики, одетые в эльфов?

Ирма подпрыгнула и закрылась локтем, айфоном.

– Ирма, – теперь Тайтингиль говорил тихо, его дыхание касалось ее лица, – Ирма, не все мальчики… мужчины – наивные мечтатели. Поверь.

– Я-я-я, – залепетала Ирма.

«Я что, наговорила этого вслух – там, в подвале… У евреев… У – как их – двергов? Гномов, о-о-о…»

– И не все – животные, – педантично подытожил витязь. – Странно жить вы стали, люди, странно… впрочем, я видел такое. Я многое видел, Ирма.

– Дядя Тай, – звонко раздалось снизу, – тебе костюмчик принесли от Беспрозванного. Ты теперь крут, как мамина яичница с беконом.

«Дядя Тай!»

Вот же несносная! Светлые брови нахмурились.

– Я не могу вспомнить, о чем вы вчера говорили? – простонала Ирма, спешно меняя тему, – витязь, очевидно, разгневался и, кажется, размышлял, не метнуться ли вниз и не оттаскать ли девчонку за уши. Громко говорить у Ирмы не получалось – голова раскалывалась, будто вчера женщина перебрала алкоголя, но она же не пила? Только чай, только травяной чай Сары у Льва Абрамовича. – Говорили: пришла Сама? Кто она? Кто пришла Сама? Сама – темная… ужасная…

– Тебе показалось, Ирма. Лев Абрамович говорил, что вы-

ловил сома. На рыбалке. Темного со-ма-а… ужасного… – И Тайтингиль, отступив на полшага, широко размахнул руками; победа еврея-гнома над чудищем лохнесских размеров показалась Ирме сомнительной, но эльф смотрел столь уверенно…

– Я все же в душ. – Женщина искательно дернулась, собираясь забрать с пола и стула у кровати свою одежду, но Тайтингиль снова оказался рядом.

Посмотрел прямо в глаза, вглубь – тревожно, неоднозначно. Снова провел пальцами по губам – и отступил.

Ирма медленно, по шажочку, пошла прочь… Остановилась, оглянулась.

Витязь стоял прямо, глядя на нее неотрывно.

Ирма отвернулась окончательно и прыснула вниз по лестнице.

* * *

Помимо двух покамест укрытых чехлами комплектов одежды, сшитой – невероятно – Беспрозванными за остаток ночи, на кухне материализовались несколько упаковок мацы, пакеты с орехами, банки с медом. Все это выглядело как-то особенно – словно появилось из элитных магазинов экопродуктов, о которых продвинутая Ирма почему-то никогда не слышала.

Она вернулась уже в деловом костюме, накрашенная, но

какая-то пришибленная – непонятно чем. Завтракала, наболтав сырых, необжаренных мюсли в молоке. Эльф в синем дяди-Котиковом халате придирчиво обнюхал все, что было на столе, и, хотя Алинка настойчиво предлагала ему бутылочку минералки, взял пару листиков мацы, сломал, макнул в мед.

– Ты все же ешь по утрам! – возопила девушка.

– Иногда, – мягко сказал витязь. – Редко.

– Я к репетитору поеду.

– Тебе к скольки? Ты проспала, – вяло сказала Ирма.

– Ты тоже, – огрызнулась девочка. – Макс заедет за мной. Жду вот, когда мне будет восемнадцать. Обидно, блин: машину ты мне подарила, а ездить не могу до восемнадцати. Таскаюсь на учебу, как лохушка, в автобусе и на метро, пипец же просто.

– Алина, дай мне грамоту вашу, – спокойно сказал Тайтингиль, не обращая внимания на ее излияния. – Если обе вы уйдете, я займусь языками. Мне надо читать.

– Азбуку? Букварь?

– Все равно.

– Поищи детские диски на полках внизу, – все так же заторможенно предложила Ирма. – Я не выбрасывала. Там много всякого. Я же думала… я…

– Мам, ну не надо. Я помню старую песню о главном, что ты хотела еще детей, – сказала Алинка. – И ты сегодня как-то паршиво выглядишь. Дядя Тай, что вы вчера делали с мамой,

а? Ай-ай-ай-а-а-а…

– Не усекай имени. – Витязь сурово встряхнул девочку за ухо. – Я не шучу, Алина. Теперь – особо не усекай. Поняла?

– Почему? – пискнула девочка.

– Грозное время грядет. Нельзя допускать искажений.

Глава 5
Вода

Ирма ввалилась в дом без сил в начале двенадцатого. День прошел в привычном бешеном, бездушном ритме; но что-то, видно, изменилось в самой Ирме – партнеры и коллеги, а также подчиненные заглядывали в глаза особенно подобострастно. И все ей удавалось, несмотря на роковое для понедельника опоздание.

Ирма зверски хотела есть, помыться и спать. И, наткнувшись в прихожей на изящную узкую мужскую обувь совершенно непотребного размера, подпрыгнула, как будто только теперь вспомнила о существовании в ее жизни и в ее квартире нового человека.

Архангела. О котором на самом-то деле она и не забывала…

Алинка сидела за столом с витязем, обложившись ноутбуками, книгами и планшетами.

Увидев мать, взвилась:

– Ма-ам, он правда не умеет чита-ать! Ма-ам, он не из нашего мира, это же прелесть что такое! Та-ай…тингиль инопланетянин! Или иномирянин, ну ты прикинь!

Витязь приветливо кивнул Ирме, не отрываясь от изучения букваря.

– Я еще по эпизоду с трусами все поняла, – устало призна-

лась Ирма, прошла в гостиную и повалилась ничком. Глухо спросила что-то из подушки.

– А?

– Я говорю, душевую кабину новую не привезли?

– Нет. Но… посмотри же, ну! Тайтингиль, встань, пожалуйста, встань!

Ирма с трудом оторвала голову от вышитой подушки. Уставилась.

Тайтингиль стоял выпрямившись, но не в давешних джинсах-ноунеймах и даже не в клоунском наряде, вдохновенно подобранном ему Алинкой в стоке. Светлые брюки из тончайшего льна. Жилет неброской узорчатой парчи, шелк. Светлая рубашка с демократично расстегнутым воротом. И гладко расчесанные золотые пряди – каскадом по спине.

– Это от Льва Абрамовича? – пролепетала Ирма очевидное. – Ты выглядишь… офигенно просто.

Архангел чуть кивнул.

– Одежда непривычная, но это лучшее, что я тут видел. И… примерял. Я могу это носить.

– Ну, дома, наверное, лучше джинсы или треники какие, – деловито распределила Алинка. – Но, мам, твой старый еврей на высоте, да. Хочу от него платье на свадьбу. Черное с желтым. И чтобы череп, вышитый стразами. Во-от тут.

– Ты замуж собралась? – Перед глазами Ирмы тут же поплыли огненные нули стоимости этого мероприятия.

– Ну мы подумали. С Максом же. Тогда ему предки отслю-

нят хату. Всем хорошо. Мне скоро восемнадцать. Слушай, Тай…тингиль… Читать мы поучились. И кстати, поужинали. Двумя килограммами телятины; когда он ест – он ест. Тебе я заказала суши, они на кухне в пакетах.

– Не могу есть, – простонала Ирма. – Я даже до фитнеса не добралась, завтра с утра пойду плавать.

– Плавать? – спросил Тайтингиль.

– Да. Могу тебя взять на гостевой визит. Хочешь? Клуб элитный, тебе должно понравиться.

– Хочу. Люблю воду.

Ирма с трудом поднялась, мстительно сказала:

– Тогда тебе придется надеть Димины плавки, так как тебе мы точно с утра купить не успеем! Они на завязочках…

– Димины? – переспросил златой.

– Котиковы, – прошипела Ирма. – Ко-ти-ка. И они в белый, розовый и оранжевый цветочек.

Витязь чуть пожал плечом. Оранжевые цветочки витязя рода Золотой Розы точно не пугали.

Проанализировав время суток и тот факт, что большая часть семьи уже насытилась, Ирма запустила себе в блендере белковый коктейль с обезжиренным молоком… взбила, бросив туда же горсть найденной в холодильнике голубики из прозрачной коробочки; взяла трубочку, налила коктейль в высокий бокал и пришла обратно в гостиную.

Усталость отступала.

– Алинка, а ты, собственно, почему не спишь?

– Ну детское время, – заныла девушка. – Детское-е-е…

Ирма вопросительно уставилась на эльфа, тот повел плечом.

– Я не знаю ваших обычаев. Алина учила меня грамоте, как и сказала, и учила успешно.

– Ладно, – Алинка тряхнула белыми прямыми волосами, уже наутюженными биоламинированием до искристого серебряного блеска, – пойду я.

Частично собрала свои гаджеты и отправилась в комнату.

Ирма пила коктейль.

Высокий худощавый мужчина со сверкающими золотым каскадом волосами заинтересованно листал букварь. Азбуку.

– Что ты так взъелся на Котика? – вкрадчиво спросила Ирма. – Я звонила ему сегодня, Дима спокойно отдыхает. Скоро не вернется. Хотя… это же Котик.

– Он не человек, – ровно произнес Тайтингиль. – Не человек.

– Э-э, – Ирма попробовала вспомнить, подливала ли она себе в коктейль спиртное, – а кто? Т-ты знаешь… – и осеклась. Говорить, что Дима Котов был ее любовником, скорее всего, не стоило.

Котик.

Они познакомились тому уже почти десять лет, когда Ирма когтями и зубами прокладывала себе и Алинке путь к благосостоянию, вырвав из зарвавшегося супруга квартиру, эм-

брион нынешней, и машину, после которой их поимела уже штук шесть.

Ирма была юристом проекта, Котик отвечал за медийку. Когда он пришел к ней, горящей над шквалом документов, как тысячерукий Шива, не переставая трепаться по телефону, запросто опустился рядом на пол и положил лобастую башку на колени, Ирма поняла, почему у него так легко выходит управляться с акулами пера. Он был Котиком: огромный кусок мягкого необоримого обаяния. Гладить, тискать, чесать, слушать, как мурчит. Потакать.

Выборы они выиграли, депутат оказался со связями и устроил Котику совершенную синекуру, отрекомендовав рекламиста в крупный промышленный концерн, который продавал оборудование для самолетостроения по всему миру.

Ирма устроила ему – себя.

Это был единственный любовник в ее довольно насыщенной жизни, который был награжден формулировкой «слишком много секса, давай останемся друзьями». Хотя тогда она упала в его в мягкие лапы охотно. Ей надо было срочно прийти в себя после мужа, застуканного с двумя секретаршами сразу. Ирма не могла спать – закрывая глаза, она все стояла в распахнутых дверях собственной спальни, держа за руку невзрослую тогда Алинку, а муж тщился сказать хоть слово, выпучив глаза и беззвучно открывая и закрывая рот. Перенесенный рейс. Всего-то. А Алинка… Вот уж характер! Спокойно подняла новенький мобильник, купленный ей мамой в

поездке, и со вкусом сделала несколько снимков. Затем сказала: «Папа, они же некрасивые». Это были первые прозвучавшие в той сцене слова.

И единственные.

Это требовалось забыть, забыть, забыть, и Котик помог.

Но дальше возникло несовпадение, потому что Котик хотел всегда, он был двужильный, девятижизненный.

У нее в ту пору зарождался славный бизнес. Она как липку ободрала неверного и пустила по миру морально и материально. У нее росла дочка. Которой, кстати, полагалось испытывать стресс от случившегося, но Алинка только стребовала «десять Барбий» и удовлетворилась разрешением звонить папе без ограничений, а нанятого детского психолога приспособила играть в вампиров.

Но Котик…

Такие темпы – секс утром, секс вечером, бурные ласки в обеденный перерыв, рев мотора его машины в выходные, когда она наконец-то собралась покрасить волосы и выспаться, все равно в каком порядке, и снова секс утром, секс вечером… и Ирма сказала заветные слова. Про дружбу. Про то, что у нее есть важные цели, которые не могут быть достигнуты, пока в ее постели присутствует огромный, настойчивый, невыносимо сексуальный, постоянно домогающийся Котик.

И Котов понял.

Они оставались на параллельных курсах много лет, и, когда Ирме приходила в голову фантазия слетать на курорт,

она летела с Димой. Просто так. Просто секс – хороший. Много. Много! Плевать на погоду и достопримечательности; Рим, Прага, Египет – номер любой звездности и Котик. Они решали друг для друга массу самых причудливых задач, и Ирма с легкостью бросила бы в мягкую широкую лапу любые свои пароли, пин-коды, ключи, карточки. Как бросила в эту лапу однажды Алинку, точно зная, что все будет хорошо. И ведь было – хоть и в Париже!.. Ирма не считала Котова другом в мушкетерском понимании этого слова, он был именно тем, кому она звонила по любой прихоти, движению души, желанию тела, потребности бизнеса или просто так.

Ирма запустила пальцы в волосы. Теперь оказалось вот почему. Не человек… Не человек, боже ты мой… Второй в ее жизни. Третий! Лев Абрамович же… Тоже? И Изя, Изя!

– Хм, – мрачно произнес Тайтингиль, наблюдавший за лицом Ирмы во время ее сеанса воспоминаний.

Женщина встрепенулась.

– Не может быть. Он – человек, – с меньшей убежденностью, чем того требовала ситуация, выговорила Ирма. И снова задумалась, вспоминая. Человек? Вот так!

Ох! Ирма густо покраснела.

– Ладно… Ты хорошо позанимался?

– Я хорошо позанимался. – Эльф тряхнул головой, как показалось Ирме, гневно, и отправился в свою гостевую комнату в мансарде двухэтажной квартиры, прихватив букварь и айпад.

Ирма посмотрела вслед архангелу задумчиво. Потом последний раз хлюпнула коктейлем, рывком встала и ушла к себе в спальню.

На пол полетели из комодов десятки нераспечатанных коробочек из всех стран мира. Это? Нет, вот… это же… не то.

В душ, на двадцать минут. Духи – парижская новинка, которой пока нет в России. Кстати, привезены Котиком. «Ирррма-а, пять минут, ну, пять минут, завезу прррезент и бежать…»

Прости, Дима. Просто друзья. Теперь точно.

Вот.

Длинная сорочка с хитрым запахом спереди, тонкая, как лепесток чайной розы, нежная. Украшенная вышивкой и кружевами ткань облила тело, открывая одну ногу до бедра, спускаясь двумя узкими лентами с плеч по соскам до талии. На талии – завязки. Обвивают, подчеркивают; и достаточно лишь потянуть за кончик, вот так…

Вымытые, подсушенные без укладки волосы. Босые ноги. Все.

– Тайтингиль…

Эльф сидел с ногами на подоконнике гостевой мансарды. Нагой, бросив на мрамор себе под ягодицы легкое покрывало с кровати. И читал букварь.

У Ирмы закружилась голова.

– Тайтингиль…

Увидел. Легко встал – ах, эти два метра с гаком роста…

укутался своим златом, ненамеренно – так легло. Шагнул к ней.

– Тайтингиль…

Мужчина протянул руку и твердо провел пальцем по губам. Заглянул в глаза, сверху вниз.

Заглянул.

– Ты… я ведь все сказала тебе. У Льва Абрамовича. Ты… Тайтингиль…

Эльф взял ее голову двумя руками, чуть сжал виски… И зашептал что-то, нагнувшись, зашептал, почти касаясь губами ее губ. Ирму повело; она услышала по-русски:

– Спи.

И полетела; вот ее поймали твердые ладони, вот тело легко вытянулось на кровати… висок примял пышно взбитую подушку.

– Спи, Ирма.

Последнее, что она увидела, – строгий профиль сидящего на подоконнике мужчины, подсвеченный монитором айпада Алинки.

Ночь.

Азбука.

Утром Ирма проснулась в шесть. И, пробудившись, некоторое время разглядывала эльфа, который ковырялся в айпаде и оставленных ему учебных пособиях на том же месте и в той же позе.

– Я не пойму, что тебе надо? – спросила Ирма хрипловато, не стесняясь этой хрипотцы.

Тайтингиль вскинул голову; Ирма вырвалась из его постели, прошвырнулась по дому, не обращая внимания на наверняка мятый веник на голове и не менее мятую сорочку. Нашла сигареты, вернулась, сунула Тайтингилю бутылку минералки без газа, бросила на тумбочку возле его кровати пепельницу в виде раскоряченного медного паука с разверстым нутром, закурила. Эльф не возражал и смотрел, почти не мигая. Тонкие мощные пальцы скрутили пробку.

– Я все для тебя сделала, все. – Ирма нервно затянулась. – Документы. Продала твои цацки. Поверила. Мне казалось, ты… почти решился. Я ничего не знаю о тебе, да. Скажи просто. Ты вообще… не?… Живешь у меня в доме. Алинка теперь тебя не отдаст, не даст выселить, я ее знаю. Два метра Барби. Так чего мне ждать? Я не… я же…

Витязь чуть дернул ртом.

– Вообще я – да.

Ирма замерла с зажженной сигаретой. Потом робко потянулась и сунула ее внутрь паука. Раздавила в труху. Чертыхнулась, закурила новую.

– Ты куда-то торопишься, Ирма? – так же спокойно спросил Тайтингиль. – Тебе скучно? Поверь, скоро будет предостаточно всевозможных событий. Предостаточно. Просто поверь.

– Ну объясни, – прошептала Ирма, ломаясь. Почти плача.

Витязь встал, сбросив гаджеты, тетради и книги, подошел к кровати; Ирма, которая секунду назад гневалась и готова была сбросить рыжего хлыща вместе со всеми костюмчиками от Льва Абрамовича со своего впечатляющей высоты орлиного гнезда над Москвой, обмякла. Ее заколотило.

Эльф обнял ее всю – как ребенка. Поднял на руки, прижал к себе. Ирму ударило – даже не возбуждение, которое обычно било по определенным местам, а облило жаром целиком, с ног до головы. Она задышала, не зная, имеет ли право вцепиться в эти ровные золотые пряди намертво, как ей давно хотелось… потянулась.

И витязь, встряхнув ее, как кошку, наконец поцеловал.

В прикосновении его губ, именно таких твердых, как предполагала Ирма, не было изящества или особого умения; он не играл поцелуем, хотя взял ее рот уверенно и глубоко. Ирма была мастерицей разнообразить этот процесс, но сейчас затихла и понимала, что вести ей не дадут – и это смущало и усиливало возбуждение, которое билось пульсом.

Было неудобно – руки держали женщину, как стальные; она вправду не могла вырваться, и ей оставалось только принимать поцелуй эльфа.

Тайтингиль мягко положил Ирму на кровать – так легко, как будто она была пушистым облачком; протянулся рядом, склонился над ней, продолжая целовать. Ирма, наконец, рискнула – протянула руки к его голове, к самым корням волос, и сжала; Тайтингиль застонал ей в рот, Ирма за-

горелась, загорелась, полетела, и…

Звонок. Сразу двойной – айфон, в дверь. Половина седьмого, Москва, время до пробок.

Ирма тут же задергалась – рефлексы сильнее истомы; опомнилась, снова растеклась – но эльф уже стоял близ окна, и взгляд его говорил о том, что на сегодня – достаточно.

– Я, я… Алинка откроет, – залепетала Ирма, – я…

– Ирма, – серьезно сказал Тайтингиль, – не торопись и не торопи меня. Делай что должна. И не кури больше.

– Ага… ага… извини… я…

Снова зазвонили; внизу прошлепала Алинка в пижаме, украшенной изобилием черепов и пиратской символикой. Открыла дверь – начали заносить новые панели в душевую, и холл украсился изобилием картонных коробок и кусков пластика.

– Ты хотела с утра идти плавать? – осведомился витязь. Именно осведомился. – И обещала взять меня с собой.

Ирма, которая, удавив айфон, наблюдала за процессом заноса душевой в состоянии полного ступора, резко рванула к себе, вернулась – кинула Тайтингилю яркие трусы в цветочек.

– На вот, примерь.

Испугалась; посмотрела искоса – но эльф почти смеялся, во всяком случае, улыбался, чуть кривя свои губы, шрамом пересекающие лицо.

– Трусы ор… Котика, да, Ирма, Котика? Т-трусы. Т, р, у,

с, и… ы?

Ирма посмотрела в глаза Тайтингилю… и засмеялась. Робко, тихо, пара секунд – и оба хохотали во весь голос.

Трусы! Пляжные. Котика, да. Орочьи трусы. В цветочек.

Тайтингиль снова оказался рядом, бросив яркую тряпку на подоконник, провел пальцами по ее стильной – хоть и неуложенной – стрижке. Заглянул в глаза; взгляд его искрился.

– С добрым утром, Ирма…

– С добрым… Тайтингиль…

– Ма! Ну и как? Как он? Он поцеловал же?… – донеслось снизу. – Я подписала накладную, можете это продолжать!

– Ты в фитнес поедешь? – обреченно спросила Ирма.

– Ну, поеду, а чё, все лучше, чем учиться. Вот азбука да, а остальное нет, фу на него… пошла искать купальник.

Позавтракали; Ирма, с нервов, омлетом с креветками, Алинка мюсли и молоком. Девочка присмирела и поглядывала на Тайтингиля и мать короткими любопытными взглядами.

Собрались.

Эльф с видимым удовольствием поместился в машину, пристегнулся; половина квартала – но стоило проехать, да.

В фитнесе Алинка предъявила клубную карту и немедленно унеслась куда-то вглубь; Ирма пошла выуживать знакомого администратора для оформления гостевого визита, а Тайтингиль, в своих льняных брюках и жилете поверх сороч-

ки индивидуального пошива, остался стоять у стойки. Ему был непонятен пакет, который сунула Ирма, – шапочка… шапочка?… яркие трусы, мыло, мочалка. Тапочки купили тут – одноразовые и почти безразмерные. Та-по-чки. Но он решил подождать разъяснений.

– Вы у нас первый раз? – заискивающе спросила девица на ресепшн. – Будете брать клубную карту?

Карту?

– Буду.

– Безлимитную?

– Что?

– Ну, клуб круглосуточный, – вкрадчиво пояснила барышня, овевая пространство перенакрашенными ресницами. – Можно посещать и поддерживать форму круглосуточно.

– Форму?

– Я вижу, вам не надо, – льстиво продолжила дева, – но вы же наверняка не привыкли себя ограничивать, да?

Эльф подумал.

– Пожалуй.

– Тогда платиновая, – прошептала девушка. – Как будете платить?

Тайтингиль вспомнил – достал… паспорт? Портмоне с карточками, пустое – наличных денег там не было, положил на стойку.

Полминуты спустя вывел рунами «Тайтингиль» на пред-

ставленном бланке.

– Какая у вас подпись красивая, Игорь Борисович, – кокетливо восхитилась девушка. – Я, кстати, думала, что вы иностранец, а вы хо… украинец. Вот, пожалуйста, пин-код.

Эльф замер над терминалом с кнопками… Откуда-то изнутри выбежала Алинка в легком халатике, бросилась, посмотрела, что происходит, набрала цифры вместо витязя.

– Ты решил сразу годовую безлимитную? Крутяк, ты классный. Проходи, почти нет никого, поплаваем.

Тут же явилась Ирма…

– Мам, он безлимитку взял! – крикнула Алинка, и снова унеслась в недра фитнес-клуба.

Тайтингиль улыбался.

Ирма повернулась к сопровождающему ее администратору:

– Спасибо. Кажется, гостевой нам уже не нужен, – и очень твердо взяла Тайтингиля под локоть. Повела по коридору. Витязь весело поглядывал на нее и не сопротивлялся.

– Ты что же… год… а, ладно… но…

– Год, Ирма. Не больше. Меньше – возможно, – сказал вдруг Тайтингиль, останавливаясь посередине коридора.

Ирма замерла.

– Так ты поэтому… что не навсегда?

– Разумеется. Я не могу обещать.

– Максималист… круглогодичная безлимитка, – прошептала Ирма.

– Без…лимит…ка? – прищурился эльф.

– Без ограничений.

– Да. Пожалуй.

Они стояли и смотрели друг на друга; мимо проходили разной степени поджаренности в солярии и обструганные фитнесом тела; они стояли в коридоре.

Безлимитка.

Ирма очнулась.

– Ты… т-ты должен вымыться и надеть… шапочку. Вот. Трусы.

– Котика, – иронично произнес витязь. – Трусы Котика. Я помню.

– И… и тапочки. И приходи. Иди туда, куда все. Вот… мужская раздевалка. Там только мужчины. Вот. Я тебя буду ждать в воде. Выход в тренажерку один, в бассейн другой. Там джакузи, сауны, пара горок, – упавшим голосом сказала Ирма.

Почему они тут? Почему не дома?

Эльф провел пальцем по ее губам.

– Я сейчас.

Ирма еще что-то говорила – про браслет, шкафчик, про одежду, но Тайтингиль скрылся в раздевалке и плотно прикрыл за собой дверь.

И явился к воде – босиком, без шапочки, откинув назад гриву златых волос, собранный, и – в цветастых пляжных шортах из быстросохнущей микрофибры. Тренер у во-

ды дернулся что-то сказать. Натолкнулся на взгляд витязя и не сказал.

Тайтингиль осмотрел помещение, залитое солнцем через щедрое остекление, поморщился и отправился на самый верх вышки элитного пятидесятиметрового бассейна. Узкое тело чиркнуло воздух золотым штрихом – и эльф вошел в воду без всплеска.

– Его даже дяди-Димины цветочки не портят, – восхитилась Алинка, – не портят же. Мам!

– Он сказал, он с нами на год, – ответила Ирма, и внутри у нее сладко повело. – Он не может обещать больше.

– Мам, – сказала Алинка, – год – это до пня. Буду выходить замуж за Макса. Просто ради посмотреть на Тая в смокинге. Мам, не тупи. Год – это намного лучше, чем ничего. Это… клево!

Глава 6
Память

Эльф сидел у открытого окна машины и смотрел на замершую на набережной пыльную пробку.

Дышать было невозможно ни внутри автомобиля, ни снаружи. Никак.

Взгрустнувшую Алинку высадили на перекрестке у дома репетитора; Ирма неосторожно предложила отвезти витязя пообедать и затем – домой к азбуке; а Москва встала.

Ирма безостановочно звонила, чертыхалась, ловила Интернет, открывала и захлопывала крышку ноутбука, водила пальцем по айпаду. Она понимала, что эльф внимательно слушает каждое слово, никак не реагируя на происходящее внешне.

Тайтингиль недвижно смотрел на серую поверхность воды, покрытую радужными разводами. С сомнением уставился на рыбака, стоящего на бетонном парапете с удочкой. Машина проползла еще двадцать или тридцать метров; Ирма обессиленно побросала все свои гаджеты и, кусая губы, косилась на витязя.

– Ваш мир болен, – констатировал эльф с невероятной горечью в голосе. – Творец отдал эту складку Эалы людям, и они почти убили ее. Алина говорила, есть парк со старыми липами. Я все же хочу туда. Мы, эльфы, хорошо знаем магию

дерев, я хочу обратиться к ней сейчас, мне нужен ответ…

– Покажу, – всхлипнула Ирма. Она сроду не интересовалась экологией, если это не нужно было для пиара; но сейчас ей отчего-то было нестерпимо стыдно, ей лично, и пресловутое «а что я могу» никак не работало. Никак.

– Зато я понял, почему надо ходить купаться, плавать, в… фитнес, – выговорил эльф словечко аккуратно и ровно.

– Тебе понравилось?

– Нет. Я не нашел смысла плавать туда-сюда в квадратном водоеме. По… дорожке, – усмехнулся Тайтингиль. – Следом за медленными людьми. Я не нашел смысла в том, что наставник, наблюдающий за остальными, называл техникой. Не нашел. Но я понял. Вода там так же ядовита, но не столь смертельно грязна, как в ваших реках.

– Я… – Ирма краснела, уставясь на руль. За окном машины замаячил силуэт; женщина, обрадовавшись возможности спустить пар, рявкнула: – Я ничего не покупаю!

– Таки нет же, Ирма Викторовна, нет.

– Изя?

Подручный Беспрозванного, а может, и сам тоже по паспорту Беспрозванный, юркнул на заднее сиденье, зажимая под мышкой длинный сверток дорогой папиросной бумаги, и зашептал:

– Доброго дня. К вечеру пришлем еще одежды светлейшему, а сейчас вот что, – и протянул книжку, в которую был вложен кусок черного пластика.

Эльф раскрыл книгу, развернул пластик.

Ирма потянулась, даже не спросив, как Изя нашел отдельно взятую машину в глухой пробке в другом районе Москвы.

Теперь ей все казалось в молодом еврее каким-то нечеловеческим – невысокий рост, сутуловатость, большой пористый нос, крупные уши с клочками волос, кустистые уже теперь брови. Дверг. Чернобород. Как же это никто не видит? Не видит?

Эльф смотрел на пластик.

Там лежало несколько толстых белых ниток с разлохмаченными, неровно оборванными краями.

– Похоже, – сказал Тайтингиль. – Демон, это похоже… Но я не представляю себе как. Как это возможно. Это…

– И таки вот, – договорил Изя, шурша бумагой. Выудил из длинного свертка великолепную трость, полностью резную, из твердого, даже на вид драгоценного дерева, выполненную под рост эльфа; рукоять – морда лани, увитая вызолоченными цветками, наконечник обит металлом.

Эльф втянул трость к себе на переднее сиденье.

– Третий бутон сверху, – сказал Изя.

Пальцы нежно пробежались по резьбе; щелчок, ручка отошла, превращаясь в рукоять, и в плоти дерева тускло сверкнула синим сталь.

– Лучшая ковка, – объяснил дверг. – Рука молодого Гершеля, он искусен. Делать ножны отстрельными не стали, надо просто стряхнуть. Учли ваш боевой опыт, светлейший.

Лезвие узкое, полностью прямое, конец колющий, и ради прочности – рубящая только одна сторона. Гибридный клинок. Мы полагаем, вы приспособитесь. Не полуторник, но…

– Благодарю.

– В аэропорт с этим не стоит, поясните для витязя, Ирма Викторовна, а вот просто по городу…

– Да. Я понял. Благодарю. – И эльф плотно закрыл трость щелчком.

Изя кивнул и покинул машину, юрко побежав между спинами пропыленных авто.

Эльф вышел следом, вспрыгнул на парапет и минуту или две простоял на фоне забитой металлом и пластиком набережной, на фоне зданий и грязной воды, тусклого дрожащего городского марева, полного яда, – в руке трость, чуть отставлена; поток золотых волос горделиво отброшен назад, подбородок поднят, резкие вертикальные морщины перерезали чело.

Ирма замерла, полуоткрыв рот.

Тайтингиль вернулся в салон.

С великими затруднениями они добрались до любимого Ирмой итальянского ресторана и нашли место на стоянке.

Ирма уже успела проклясть как затею с бассейном, так и идею с обедом, вспомнив, что эльф днем практически никогда не ест. Но отступать было поздно; они заняли два диванчика светлой кожи в дорогущем заведении, получили обычное меню, меню бизнес-ланча и винные карты, и Ирма

принялась рассказывать эльфу об особенностях итальянской кухни.

Тот слушал недолго; подошедший и нависший официант принял заказ на зелень и овощи, сыр, рыбу, пожаренную целиком, и минеральную воду без газа.

Ирма заказала крем-суфле из белых грибов, салат с овощами и куриной грудкой гриль.

– Тайтингиль, – встрепенулась она, когда официант удалился, – а все-таки. Что значит Котов – не человек?

Эльф, коротко поглядывавший по сторонам, приподнял брови.

– Я не знаю, как он оказался здесь. Но у меня есть ощущение, что я узнал давнего врага.

– Врага? Но вы даже не знакомы… – растерялась Ирма. – Дима… Как он может быть врагом, он такой обаятельный, его все-превсе обожают! И… если не человек… то кто? Тоже… гном? Этот… дверг?

– Ну что ты. Эльфы не особенно любят подгорный народ, но уважают и часто обращаются за работой, которую гномы делают лучше всех, – объяснил витязь. – Дверги не враги. А вот твой Котик – орк.

Ирма подскочила. Вот такой страшный, кривобокий, зубастый из фэнтези – спортивный улыбчивый Дима Котов? Котик? Орк?

– Да, причем один из сильнейших, как я чувствую. Лучший из воинов Морума, которых я знавал. А я знавал мно-

гих, поверь. И вот в чем дело – он погиб. Весьма… неординарно позволил победить себя в бою низкорослому и не такому уж опасному противнику. Его гибель осталась загадкой, а тело после боя не нашли, – задумчиво рассказывал Тайтингиль. – Сегодня на мне была его одежда. Снова. И снова мерещилось, что это именно он, но…

– Но что?

Эльф повертел салфетку и вдруг хохотнул:

– Но вид этой одежды вызвал у меня вопросы, Ирма! Потрошитель Азар… и радужные цветы на трусах. Я засомневался.

– А что ты будешь делать, когда вы встретитесь?

– Я? – лениво уточнил витязь. – Это будет зависеть от того, что я увижу и услышу. Азар… не так прост.

– Ну, слава богу, он пока далеко отсюда, – порадовалась Ирма, принимая суп и с некоторым трепетом вспоминая, сколько раз они с Котиком пили тут на брудершафт и ели великолепные спагетти с трюфельным соусом или акульим плавником, – и возвращаться еще долго не…

Подошедший к столу официант со следующим подносом, груженным тарелками, шарахнулся, увидев перемену выражения лица клиента; сама Ирма ахнула и резко обернулась, а Тайтингиль медленно вставал из-за стола, сминая салфетку.

Прямой разворот плеч, водопад злата по спине и грозовые, потемневшие глаза.

По проходу к столику шел плотно сбитый, рослый мо-

лодой мужчина предосудительного для дорогого ресторана вида, но встреченный девушками на ресепшн с радостным оживлением.

Ладный крупный парень двигался с кошачьей грацией. Кот-экзот: половина головы у него была выбрита, светлые волосы скручены в жгуты дредов, перекинуты набок. Черная перчаточной кожи куртка обливала широкие плечи, спортивки из последнейшей (в Москву ее еще не завезли, Ирма точно знала) коллекции «Адидаса» подчеркивали сильные бедра, от флуоресцентных кроссовок болели глаза. У самого Котика – не болели, их надежно защищали переливающиеся синим очки. И сам Котик был сексуально смугл, что остро контрастировало с волосами, ибо провел в Эмиратах немало времени… и собирался оставаться там еще?…

Официант, буквально стряхнув блюда, рванул в сторону, попутно подавая сигналы охраннику. Отчего-то ситуация была прозрачна абсолютно всем.

– Иррма-а-а! – взвыл Котик мартовским фальцетом, переходящим в боевой утробный рев, столкнувшись застекленным взглядом с глазами эльфа.

– Азар! – рявкнул эльф и вмиг оказался напротив Дмитрия Котова в узком ресторанном проходе. – Ты! Точно! Я знал, я чувствовал!

– Я-а-а-а? Ирррма-а, кто это, ты знаешь, кто это с тобо-о-ой?

На Ирму снизошло озарение, подсказанное ей видом спе-

шащей сюда охраны.

– А ну оба вон на улицу!

И в этот момент Тайтингиль и Котов соприкоснулись в проходе.

Острое выяснение отношений началось прямо в зале и вытекло в коридор, затем в холл, сметая беспомощную охрану, затем на улицу. Ирма неспешно расплатилась и вышла следом, с сожалением оглядев оставляемые на столе нетронутыми блюда и зажав под мышкой трость Тайтингиля, закурила, бросила, снова закурила. Бросила.

В конечном счете Тайтингиль, люто скрутив Котика, прижал его носом к капоту Ирминой машины. Женщина стояла рядом, переминаясь с каблука на каблук; в одной руке – дамская сумочка, в другой – тяжеленная трость с клинком внутри. Она коротко улыбалась углом рта прохожим, созерцающим неожиданную батальную сцену.

– Ирма-а! – выл Котов. – Эльф, Ирма, где ты его взяла-а-а? Эльфа-а-а!

Тайтингиль тряс и встряхивал.

– Молчи! Ты! Как здесь? Ты, темное создание, сколько ты здесь? И как, как ты – здесь?!

Котов пытался выскользнуть – мягко, извиваясь торсом, играя плечами, – но эльф прижимал его собой, своим телом, и удерживал руки в жестком захвате. Охрана напряженно разглядывала поле боя, но не вмешивалась.

– Освободи мою машину, – наконец жестко сказала Ирма,

поняв, что сам собой конфликт не угаснет. – Освободи-те. Оба. Немедленно!

Эльф за шкирку приподнял Котова и переместил в сторону.

– Котик, – ласково продолжила женщина, – я понятия не имею, что тут происходит, но вижу, что у вас было интересное общее прошлое. Ключи от моей квартиры у тебя есть. Когда вы закончите, будь добр, отвези Тайтингиля ко мне. Он сам вряд ли найдет дорогу.

– Тай…тингиля? – мяукнул притесненный Котов.

– Вот его. Верзилу этого рыжего, – сердито сказала Ирма и схлопотала недоуменный взгляд витязя, – а мне надо работать. Алинка собралась замуж.

– Не волнуйся, Ирррма… выдадим в лучшем виде. – Котик снова ожесточенно брыкнулся, и пару секунд двое мужчин напоминали скульптурную композицию «Самсон, разрывающий пасть льва». Ирма холодно окинула эту картину взглядом и, сев за руль, покинула стоянку ресторана.

Как только Ирма уехала, пара расплелась, и витязь с орком уставились друг на друга тяжелыми взглядами. Котик зашипел, оценив растертые по тротуару радужные осколки очков. Оказавшись отпущенным, бывший орк… орк, подумать только! – первым делом поправил воротник пижонской куртки и одернул модные штаны.

– Очки-и… Эх! Ну поехали, светлейший…

Его белый «амарок» стоял рядом. Орк шустро разместил-

ся за рулем. Тайтингиль усмехнулся, оправил парчовый жилет, сел на переднее пассажирское кресло, пробежав пальцами по потоку волос, выравнивая, выглаживая.

– Куда? – Орк бросил руки вперед. – Куда, эльф?

– Все равно. Туда, где мы можем поговорить, – спокойно ответил Тайтингиль.

Котов вел, и пробки волшебно расступались перед ним; эльф практически не смотрел на водителя, скользя взглядом по городу.

– Рассказывай.

– Если бы я знал, – выдохнул Котик. – Не помню… почти ничего. Очнулся однажды голым на помойке. Встал, отряхнулся, пошел… часто снится странное. Снится лед. Много льда. Я падаю в черную… воду-у-у. Я падаю, плыву подо льдом, задыхаюсь, так страшно. Небо над головой сквозь лед – серррое, серррое… Мммммм… И я… Прррросыпаюсь. Такое чувство, будто просыпаюсь мертвым, понимаешь? Страшно.

Просыпаюсь мертвым. Как точно сказано… Тайтингиль усмехнулся. Он просыпался мертвым. Было.

– Забвение. Оно страшно, орк, страшно, я был в нем, я его касался. Это страшнее всего в Эале, забвение… Когда вроде бы остаешься собой, но… но… – Голос эльфа сорвался, затих. – А меня? Ты помнишь меня? – спросил после паузы.

Орк заулыбался смущенно.

– Забудешь тебя…

…Это были одни из самых страшных болот в Эале. Великая битва отгремела совсем недавно, и эльф, раненный отравленными дротиками южан, потерявший коня, пробирался по вонючим кочкам. Бросить меч – нет, нельзя, это все равно что бросить в пучину гнилой жадной воды самого себя. Кровь заливала тело под доспехами; свои ушли стороной, сквозь тину в лицо Тайтингиля смотрели бледные лица утопленников и мертвецов прежних битв, и вокруг плясали болотные огни.

Силы истощились; витязь отыскал кочку повыше и пал, накрытый коричневым плащом, шитым золотыми цветками, пал ничком в сырые мхи, вытянув вперед руку с мечом.

Эльф редко так глубоко уходил в небытие, снова в Чертоги Забвения; разрубленное оплечье сочилось почерневшей кровью. Мысленно Тайтингиль пел прощальную песню, сокрушаясь, что все случилось так глупо и странно. Никто не ждал битвы здесь, у болот; небольшой отряд эльфов оказался рассеян и уничтожен.

Но…

Руки, теплые руки.

Мягко отобрали меч, воздели куда-то наверх.

Шкура.

Пальцы завозились в застежках доспехов, снимая их – правильно, правильно.

Горячий отвар с едким, жгучим вкусом полился на рану, пересекающую плечо и половину груди. На губы. Едкий, но

в нем не было яда, а была иная целительная сила, не та, что использовалась эльфами. Сила слез скал, мумие; сила полыни и горькой смолы, но – сила.

Тайтингиль очнулся нагим – только его собственный плащ накрывал бедра. Небольшая сухая полянка вблизи скал и болот – слышны крики выпей и запах сырости; костер. На костре котелок.

Доспехи и меч. Все тут, хотя и порубленное.

Приподнялся.

Потрошитель Азар деловито поправлял костер. Коротко глянул на эльфа.

– Тебе бы оруженосца, светлейший. Что же ты так, мордой в болото…

– Лицом, – трудно выговорил эльф. – Морда у тебя, предводитель орков. У меня – лицо.

Рубчатый, грубо и неровно подживший от орочьего лечения шрам пересекал плечо и половину груди, достигая светлого, еле заметного соска. И звездчатые шрамы от дротиков, на близком расстоянии пробивших-таки тонкую металлическую чешую доспехов.

– И… я не беру оруженосцев. – Эльф закашлялся, и орк, легко встав, протянул ему плошку, грубо сработанную из дерева, – с чистой водой. Пригодной даже для эльфа.

– Напрасно, напрррасно же, – как-то иронично буркнул Азар, – вот сейчас пригодился бы тебе… оруженосец.

– Чего ты хочешь? Выкупа? Сражения?

– Ничего не хочу, – решительно ответил орк. – Как сможешь встать, иди. Ты ничего не должен мне. Вот, хотел посмотреть на эльфа… вблизи. Так ли вы похожи на девушек, как говорят.

На секунду внутри у Тайтингиля все дрогнуло в ужасном подозрении – подозрении осквернения, позора, необратимости. Орки, и Азар в том числе, видели достаточно эльфов вблизи. И могли оценить… похожесть на девушек.

Орк глянул в искаженное лицо витязя и расхохотался:

– Ради одного этого мига тебя стоило подобрать, цветок Нолдорина, золотой сокол… Ты напуган. Да. Не переживай.

Орк ушел, когда убедился, что эльф способен вскипятить себе воду. Принес напоследок какую-то жирную болотную птицу, кинул у костра, вскочил на боевого волка и унесся.

Тайтингиль так и не нашел слов – благодарности, долга; так и не определил, что же это было.

– Я, – сказал орк Дима Котов, – сейчас только понял, уже человеческими мозгами. Их как-то побольше, – заулыбался, сияя на эльфа прозрачными голубыми глазами на загорелом лице; улыбка была обескураживающей. – Видимо, я всегда хотел быть… эльфом. Смешно, да? Орк – эльфом. Поэтому и громил ваших так ожесточенно, что не мог. Поэтому и спас тебя тогда. Это был единственный раз, когда по-доброму говорил – с вашими… Поэтому в здешнем мире мне вот так… отдало. Я миррный, миррный тут, такой миррный, хорррро-

ший. – Он явно замурчал, улыбка стала шире. – Я не касаюсь оружия, даже не хочется. И люди – они идут ко мне, тянутся, а не страшатся и не бегут. Я… желанен. Я Котик, блин. Котик. С восемью жизнями.

– Не девятью? – нахмурился Тайтингиль.

– Одну… я уже потерял.

– Тебя приняла эта складка Эалы? – медленно спросил эльф. – Ее земля, ее воздух?

Орк выдохнул.

– Я… прррывык. К воздуху – горькому. Воде – едкой. Звукам – резким. Главное – что жив снова. Главное.

– Я не могу, – сказал Тайтингиль. – Мне нужно найти путь для эльфов, спасти свой народ. От забвения. На это мало времени. Каждый шаг по этой земле дается мне с трудом. Я хочу исполнить свою миссию… и затем покинуть это место. Ты… можешь со мной.

– Как ты собираешься покидать мир? Я никуда отсюда не хочу, я прижи-ился, – мяукнул Котик. – Опять в битвы, в кровь опять, в грррязь? Не-ет, не хочу-у…

Эльф смотрел – он и правда прижился, этот орк. Рулил бесконной повозкой, в которой жужжала и шкворчала назойливая местная музыка, потряхивал своей хитро плетенной гривкой в такт звукам, взглядывал на карманное волшебное зеркало и, пользуясь остановками, стучал пальцами в гладкое стекло, выбивая бесчисленные послания кому-то неведомому.

«Амарок» споро рыскал дворами; вот и дом – ограда, перегородка на въезде, все как у Ирмы. Но это не Ирмино жилье.

– Ты привез меня к себе?

– Ну м-мало ли что, – мяукнул парень, – м-мало ли. Зачем Иррме выносить из дома трррруп и оттирать крррровь? Давай лучше у меня. Звукоизоляция. Любые вопросы, светлейший. Любые, какие захочешь задать. Какие… захочешь.

Тайтингиль на секунду уставился на Котова – он уловил подтекст, но не понял, что подразумевал орк. Двусмысленность, скользкая и острая, как тело и клычки змеи; ловушка? Западня? Впрочем, не ему бояться орков, даже безоружному; эльф покинул салон белой машины с волчьим именем и последовал за помятым Котовым мимо стойки консьержа, сидящего прямо и внимательно, как сыч на суку – там, на гнилых болотах…

– Я чувствую, этот город опутан темными нитями разных сил, – говорил витязь, перешагивая порог квартиры. Если бы он мог судить, то решил бы, что Котов устроился просторнее, стильнее и дороже Ирмы. Прижился, да, прижился. – Таких мрачных, таких странных, что порой мне кажется невероятным, что люди во власти черных сетей еще сохраняют какой-то свет в душе. Теперь я понял, что именно неладно. В этом городе кроется паук. Паук, которого нужно убить. Паук, прошедший грань миров, как это сделали я и ты. Дверги

принесли мне доказательства. Паутину. Я посмотрел и увидел огромную опасность. Странную опасность, словно разлитую в отражениях прошлого, нынешнего и будущего…

Котов, кинувший ключи и айфон на тумбочку у зеркала, выполненную из темного дерева малазийскими мастерами, быстро снявший кроссовки и ринувшийся было в глубь квартиры, остановился. Уставился на златого витязя прозрачными, сияющими глазами с бледно-голубой радужкой.

– Я… мне так хорррошо тут. Ох, светлейший, может, обойдемся без дрррак, без дрррак? Да, тут едко и странно, но… Я же умер – там. Знаешь, как хочется жить, когда ты умер?

– Знаю, – жестко ответил эльф. – Я – знаю.

Орк опустил взгляд.

– Ну… до тебя я не рисковал вспоминать… светлейший. Старррался все воспоминания о том… мире… о той жизни уничто-о-ожить… Мне совсем недурно здесь. А ты-ы…

Тайтингиль молча рванул пуговицы жилета, потянул с плеча сорочку, едва не выдирая пуговицы из легкого поплина вместе с мясом.

Орк уставился на тонкий белый шрам, едва заметный, пересекающий плечо и спускающийся на грудь, к соску. Потянул руку и провел кончиками пальцев.

– Вот же, а… вот же… значит… это в самом деле ты-ы… и это было.

Болота, славные гнилые болота, куда так удобно загонять врага. Огни, трупы, гниль; спутанные следы. Громадный боевой волк не любил бегать по мокрому и огрызался. Но находка стоила неудобств – сам златой нолдоринский сокол, непобедимый, неповторимый Тайтингиль; волосы вразлет, потемнели от ядовитой влаги; тело укрыто плащом.

Орк не мог признаться себе, зачем он это делает.

Зачем он делает это, возясь с полутрупом – но вспоминал летящий на белоснежном коне силуэт, взмывающий над битвой; плащ волос по ветру, за спиной бьется коричневая парча, шитая златом; в руке свистит набитый рунами и цветами клинок, уничтожая его подданных.

Орков.

А теперь он, великий Потрошитель Азар, гроза эльфов, гордость Морума, бережно снимает доспехи, омывает тонкое сильное тело от ядовитой, вспененной крови, глубоко, тщательно вылизывает раны – самое надежное лечение, самое, пока эльф еще не очнулся.

Трогает, исцеляет.

Он, убийца.

Он бережно свернул в жгут длинные золотые волосы эльфа и отжал от болотной воды. Волосы, к которым, как гласила легенда, Тайтингиль не давал прикасаться даже девам.

Азар не думал ни о чем. Просто помогал. Эльфу. Он же будет благодарен?

Эльф, быть которым он мечтал всегда.

И большой кровью мстил, не уставая, за то, что – не таков. И не станет.

Потом, позже, эльф провожал его взором, полным недоуменной боли и гордыни.

Эльф так и не произнес слов благодарности.

– Было, – сказал витязь, убирая от себя чужие руки и возвращая сорочку на место. – Это было, Потрошитель Азар, вождь воинства орков, слуга Карахорта… всегда мечтавший стать эльфом и живущий теперь в иной складке Эалы в человеческом облике. Было. Ты спас мне жизнь, мне, эльфу, и мне нечего было сказать тебе тогда. Я не был готов признать, что обязан тебе жизнью.

Котик следил за руками Тайтингиля жадно, как будто тот укрывал рубашкой как минимум гору злата, а не свое собственное тело.

– Я думал, у эльфов не остается шрамов…

– После орочьего лечения? Остался вот, – усмехнулся витязь. – Это не важно, предводитель Азар. Дима Котов. Ты ушел оттуда, ты теперь здесь. И я – здесь. И я должен тебе.

Котов помотал головой.

– Спасибо, – сказал Тайтингиль, глядя прямо в глаза Котика.

Мужчины стояли близко, и воздух накалился и звенел.

– Спасибо тебе, Потрошитель Азар. Ты спас мне жизнь. И

теперь я понял, что вело тебя.

Перерожденный орк прищурил яркие глаза.

– А знаешь? Пусть оно и дальше ведет.

– Что? – Тайтингиль оторопел.

Котик улыбнулся и выговорил:

– Я хочу встать подле тебя оруженосцем, эльф. И я пойду за тобой – туда, куда тебя понесет, нолдоринский сокол, витязь Золотой Розы. На болота, на Пустоши Морума, к чертям собачьим. Я тоже хочу туда-а-а. С тобой. Это же… прррикольно. С эльфом. Я всегда хотел.

– Я не пойду на Пустоши, – ответил Тайтингиль. – Сейчас мне нужно покончить с чудовищем. Моя задача больше и сложнее, найти путь спасения для эльфов. Я собираюсь шагнуть к звездам, за пределы Эалы. Я собираюсь… в космос. Желаешь пойти со мной?

Орк почесал дреды.

– В космос… В космос… Ну круто же, а! – Голубые глаза снова засияли колко и озорно. – С эльфом, в космос.

– Устраивает? – Эльф протянул узкую ладонь.

Дима Котов с готовностью сжал сильные жилистые пальцы в своей мягкой лапище.

– Что тут может не устрррроить? Девчонки там опять же какие-нибудь… зеленокожие! Ну псих ты, как есть – даже крррруче, чем я сам! По рукам!

Глава 7
Слияние душ

Эльф стоял неподвижно посередине просторной гостиной. Ему не хватало чего-то большого, значительного, привычного – ритуала посвящения с мечом, каких-то особых, возможно, выспренних слов; но этот мир подразумевал упрощение. Простоту.

В тех вопросах, в которых его соплеменники никогда не были просты.

Орк тем временем уже кипел, сновал, колготился – привычно делал одновременно тысячу дел в бешеном ритме этого странного мира.

– Телефон есть уже? – вопросил Котов от стеллажа в дальнем углу. – Тут без него никак.

– Нет. Я читать пока не умею, – усмехнулся эльф. – Так. Отдельные слова. Т-р-у-с-ы.

– С правильной лексики начал, – мурлыкал Котик. – Давай-ка… вот, модель не распоследняя, но тебе пока сойдет. Я поискал бы… может, вообще кнопочный…

Эльф пропускал суету мимо ушей. Подошел к паре африканских масок и замер перед ними.

– Значит, магия в этом мире все же есть.

– А, это. Это так, р-развлечение для тур-ристов… Ремесленники делают же.

Тайтингиль поднял брови.

– Да-а? – тормознул Котик свою бурную деятельность.

– Ну вот эта пуста. – Эльф указал на ту, что висела слева. – А вот в этой, правой, скрыт демон, из мелких. Досаждал… селению. Да. Селению. Заточили и продали, чтобы иноземцы увезли подальше. И вот он тут висит у тебя.

– В-выпустишь? – чуть заикаясь спросил Котик. – Что-то мне не понравилось то, что ты сказал…

– Мелкий демон. – Эльф пожал плечом. – Скисшее молоко, нежелательные насекомые, спутанные волосы у детей и животных. Тебе такое надо дома? Но то, что нашлись умельцы, которые его опознали, сделали для него ловушку и заточили, говорит мне…

– …что в нашем мире есть магия. Вот. Это мой старый номер. Один из. Я этим мало пользовался. И прррежний телефон. Живой вполне. Но-о-о… если позвонит женщина, любая, говори: я не Котик, я его начальник. Договорррились?

Тайтингиль усмехнулся. Иронично бросил:

– И правда, прижился.

– Тошнит тебя от этого, светлейший?

Эльф отвернулся к окну. Помолчал. Потом прошептал:

– Подташнивает…

– Р-раскажи. – Орк уже был рядом, и рядом уже было подставленное кресло и столик с коньяком, сыром, виноградом, клубникой, тонкими листочками каких-то крекеров. – Что ты собираешься делать?

– Что рассказывать… я шел в мыслях об осознании пути. В желании пресечь удел небытия для эльфов. В поисках ключа от новой жизни, мечтая о рождении детей после веков упадка, – чуть горько говорил Тайтингиль. – Но я вижу отравленную воду и людей, живущих в хаосе. В… блуде. В заблуждениях, взаимном вреде. Потерявших самих себя. Если у них и есть ключ – отыскать его будет сложно. А взять для эльфов еще сложнее.

– Думаешь, этот ключ найдется за звездами? В космосе? А как ты планир-руешь отправиться в космос? Самолет… самолет для начала. Посмотреть на Землю… на Эалу сверху. Мм?

– Можно самолет, Алина рассказывала.

– Алина… – Котов поболтал в стаканчике с яблочным соком лед. – Алинка. Я никак не подошел на р-роль папика. А Ирма, Тайтингиль? Мм?

Эльф посмотрел.

– Я понял, по-о-онял… не мое дело. Да?

Витязь все еще удерживал взгляд на выразительном лице орка. Наконец разлепил губы жесткого, похожего на шрам рта.

– Как странно, что все мы собираемся подле этой женщины. Обычной женщины… как странно. Ирма сразу помогла мне встретиться с двергами, последними в роду Черноборо-дов, которые тоже искали убежища в этой складке Эалы. И с тобой. Видно, через нее мне и… – Эльф осекся.

– Что?

– Позже, орк.

– Оррруженосец же, – искательно проворчал Котик. – Должен быть в курррсе. Вот. – И взял в руки айфон, отданный витязю. – Иррма, Ирррмочка, ты же не волнуешься? А, совещание? Хорррошо. Этот номер отдаю Тай… тингилю. Да-да-да, живы-здоровы, поговорили. Ну поговор-рили, ну-у… Все живы, не беспокойся. Да-да, отвезу я. Отвезу.

Скользнул пальцем по экрану.

– Куда, эльф?

– К Беспрозванному. На Красные Ворота.

Орк замер. Потом улыбнулся:

– Быстр-ро учишься. Мне Лев Абрамович шить отказался, но не очень-то и хотелось.

Погода портилась – час назад казалось, что это не май, а душный июль, а теперь из редких туч капали тяжелые дождинки, обещая немного прополоскать столицу. Изя с готовностью впустил эльфа и весьма привередливо осмотрел орка, поигрывающего ключами от авто, сверкающего стеклами новых очков, мусолящего в руке дорогущий айфон.

Орка оставили на диване с двумя белошвейками, тощими, почти одинаковыми девицами – в московской квартирке наверху, на диванчике, обтянутом руколепным покрывалом пэчворк. Сара, поднявшись сюда ненадолго, издалека пульнула в него чашкой чаю и древней сахарницей синего хрусталя с металлическим ободком и двумя сильно обкрошенны-

ми кубиками рафинада на дне. Котик заглянул в чашку, проворчал: «Писи сиротки Хаси», обворожительно улыбнулся и через пятнадцать минут был лучшим другом белошвеек.

Сара удалилась молча, непреклонно покачивая тухесом.

Тайтингиль на час спустился в нижнее помещение, обсуждая со Львом Абрамовичем послание и новости, полученные с утра. Ненадолго вернулся наверх:

– Оруженосец, ты хорошо знаешь этот город?

Обе девы подпрыгнули от такого титула и защебетали затем втройне приветливее, нашивая вензеля Беспрозванного на готовые вещи.

Обсудив требуемое, витязь прошел мимо Котика, коротко сказав:

– Теперь к Ирме.

Оставив чашку и послав девам пламенно-обволакивающие взгляды, Котик рванул следом. Обогнал у машины, открыл дверь.

Алинка была уже дома. С ней на кухне сидел Макс; в духовке запекалась цельная индюшка, и ароматы витали по всему дому.

Увидав пришедших, Алинка помчалась к двери – коротюсенькая майка, яркие шортики, белые волосы до талии – и с ходу напрыгнула на Котова.

– Котик, привет, привет, Котик, какой ты черномазый, как папуас! Ма звонила, ты Тая… Тайтингиля привез ведь? Как

он тебе, эльф наш?

Котов ворчал и мурлыкал, отлепляя и обнимая девочку одновременно, одновррременно. Витязь улыбнулся, дернул углом рта, похожего на шрам. Орк отчего-то уставился на узкие ступни эльфа, который сразу сбросил и туфли и носки, и прошел в дом босиком.

– Да, он чудной, с приветами, но клевый же, – уверенно сообщила Алинка. – Поужинаешь? Уже время подходит, когда и Тайтингиль питаться начинает. Тем более хорошим мясом. Птицей.

В квартире стояла некоторая суета – двое рабочих закончили заниматься душевой кабиной и выносили остатки старой. Котик тут же включился в процесс вместо Макса, который доселе исполнял роль старшего мужчины в доме. Алинка хлопала духовкой, рабочие объясняли, как невыносимо трудно было сделать замену панелей, Котов остро поглядывал на эльфа, который, сбросив жилет, сидел на подоконнике с ногами, поглаживая кота Пикселя, и смотрел на задернутую дождем Москву.

Пришел посыльный от Беспрозванного – принес еще пакеты с вешалками. Алинка забежала наверх, развесила, разложила обновки в шкафу в гостевой спальне. Там же висела и собственная одежда Тайтингиля; лежали кольчуга, плащ. И стоял в самом углу длинный меч в причудливых легких ножнах.

Девочка протянула руку – потрогать, но Тайтингиль ше-

вельнул бровью, и все стало понято без слов. Воинское – под запретом. Ей, девчонке, да и вообще. Слишком серьезно. Слишком опасно. Слишком.

– А это… можно? – Алинка тронула плащ пальцами.

Эльф кивнул.

Девушка накинула плащ на себя и с гиканьем понеслась вниз.

Котик замер, как окаменевший, и некоторое время не сводил взгляда с коричневой плотной парчи, шитой золотыми цветами.

И довольно быстро попрощался, убедившись, что эльф понял тайну пользования телефоном и правила набора номера, записанного в телефонной книжке айфона как Azar.

Ирма принесла из машины трость, сработанную дверга-ми для эльфа, и, судя по всему, пребывала в умонастроении весьма сложном. Она была вежлива, отчуждена, суха и держалась на изрядной дистанции от всех.

Тайтингиль поглядывал с интересом.

– Ма, мы не собираемся же сразу рожать и все такое, – щебетала Алинка. – У Макса бабулька вредная, квартира ее. Она сказала, что переедет в комнату Макса к предкам и уступит квартирку, только когда Макс женится. Ну вот. Женимся, год играем в сладкую парочку, и свобода. Макс с квартирой. Всем хорошо. Мне не жалко. Мм? И да, да, только после того, как поступлю.

– Ох, еще и поступление, Алина… ты понимаешь, сколько денег надо – на все?

Тверденький кулачок стукнул в стол.

– Мам! Сама поступлю!

– Сама… ладно.

– Ты покладистая такая, мам!

– Да. Сколько денег на свадьбу надо?

– Ну… ну, полляма, Максик? Твои сколько дадут?

– Я не говорил еще. Пусть будет сюрприз. Я вот тут, Ирма Викторовна, и, э-э-э, Тайтингиль, прошу руки Алинки. Дадите?

Эльф молчал, спокойно занимаясь кусками сочной индейки на своей тарелке, Ирма отделывалась неопределенными фразами.

Поев, загрузив посудомойку, Алинка и Макс отправились куда-то покататься на машине.

Ирма ушла в свою комнату.

Эльф усмехнулся и снова оккупировал подоконник с азбукой и планшетом.

Ирма сдалась спустя полтора часа, когда Алинка позвонила и сказала, что переночует у Наташи.

Пришла к подоконнику в туго перепоясанном пеньюаре бежевого цвета, отделанном кружевами. Села в кресло напротив эльфа. В руке в невысоком стаканчике позванивал лед, умягчая вкус виски.

– Итак… то тебе Котик так нехорош, что ты готов убить за то, что я тебе принесла его халат. То он так хорош, что ты запросто уезжаешь с ним, берешь его айфон. То ты из другого мира, то ты знаком с Котовым вплоть до дружеского мордобоя. Поясни. А то и впрямь окажется, что ты не Тайтингиль. А Игорь Приходько.

– Я знал Азара в ином теле и в ином мире. Мы были непримиримыми врагами, но однажды он спас мне жизнь.

Ирма собралась что-то сказать еще – что-то ироничное, хлещущее; она не любила чего-либо не понимать или чувствовать себя одураченной. Но эльф гибко спрыгнул с подоконника, секунда – и он был рядом, еще секунда – и Ирма на его руках, обхватив стройную мощную шею, отдается поцелую; эльф беззвучно взбежал к себе на второй ярус квартиры, обнимая женщину, обвивая ее руками и не отпуская губами губ.

Ирму затрясло; повело по телу – горячим, горячим…

Эльф целовал глубоко, забирая губы, язык Ирмы; просто целовал. У кровати Ирма вцепилась в пуговицы его сорочки и, почти разрывая, стащила ее с широких плеч. Провела пальцами по едва видному шраму, белой ниткой пересекающему плечо и почти половину груди, достигающему соска. Тайтингиль безошибочно дернул за поясок, и пеньюар разлетелся, открыв тонкую короткую сорочку. Эльф коротко застонал. Ирма присела на корточки, расстегнула льняные брюки и освободила длинные ноги мужчины; но эльф, почти

бросив ее на кровать, вдруг прошептал прямо в ее губы:

– Ш-ш-ш.

– Что, ну что-о?

– Это время, – витязь дышал так, что Ирма видела и ощущала могучие движения широкой груди, – время, которое я смогу быть с тобой… ты проживешь его по моим правилам.

– Это как?

– Я подскажу, когда придет пора… я в твоем мире, и я твой гость. Но если я буду твоим мужчиной – определенные решения останутся за мной.

– И первое же неповиновение с моей стороны…

– Я просто не могу иначе, – в самые губы сказал эльф. – Я не человек. Я просто не могу. Иначе. Не живу по-другому. Понимаешь?

Если Ирма что-то не выносила почти так же, как и предательство, – так это когда ей ставили ультиматумы. Сердце ее заколотилось, заметалось в поисках выхода из ситуации. Вот мужчина, вот его серые, причудливо меняющие цвет глаза, вот его тело… архангел, который, как ей казалось, теперь ее воздух, ее судьба, сама жизнь. И вот его слова. Разве нельзя получить счастье как-то попроще?

– Я бы хотела точнее узнать, что потребуется, – осторожно сказала она. – Ты… не мог бы… больше рассказать о себе? И особенно о твоих правилах?

Эльф выдохнул и на секунду упал лбом на грудь Ирмы. Затем встал – трусы, злополучные трусы из тонкого трико-

тажа, которые она так вдохновенно подбирала ему, облегали тугие ягодицы, пах. Очень выразительный пах. Великолепный…

В животе Ирмы снова заныло.

– Н-ну вернись же…

– Ирма.

– Н-ну?

– Я не человек.

– Да объясни же! – взвизгнула женщина. – Ты сказал, ты – да… год… и вот… и… я никогда не волочилась за мужиками, у меня нет с ними проблем! Что происходит? Тайтингиль!

– За мужиками, – потерянно сказал эльф. – Ирма… прости меня.

– Нет, погоди. – Ирма метнулась к подоконнику. – Ты хочешь меня? Обрати внимание, к черту любовь; я спрашиваю про то, что проще. Ты – меня – хочешь?

– Хочу, – сказал мужчина. Острые уши его вырисовывались на фоне серого московского неба, подсвеченного снизу сполохами большого города. Волосы блистали золотым огнем.

– Так в чем проблема, ну в чем? – Ирма чуть не рыдала.

– Я… рискнул… поставить одно условие. – Тайтингиль говорил медленно, подбирая слова. – Чтобы… пока я с тобой… ты приняла мои определенные правила. Я не смогу считать себя… мужиком… венчающим ряд предшественни-

ков. С которыми у тебя не было проблем.

Ирма отшатнулась.

– Ты…

– Ты не скрывала же этого… и не скрываешь. Поэтому я… попросил.

– Ты что же, – медленно сказала женщина, – ты считаешь, что я смогу с кем-то путаться, когда ты… когда я… когда я сказала тебе у Беспрозванных…

– Я слышал, что и как говорили Алина и Макс за ужином, – медленно сказал Тайтингиль. – Они были готовы даже назвать друг друга мужем и женой, не придавая этому никакого значения. Я молчал. Но я слушал. Они в близости, но не будут думать о ребенке. Разве такое бывает? Если я… то я непременно буду. Ты не понимаешь, наверное… Я пришел оттуда, где мои соплеменники жили вечно, но долгие века не рождали детей. И так говорить при возможности зачать ребенка, как это делаете вы, люди… даже не говорить – делать так… Я не могу, правда.

– Ох-х… – Ирма, надежно защищенная гормональной спиралью, тем не менее всегда выдавала любовникам презервативы… а в случае отказа – вышибала их в единый миг. Она вела. Всегда вела в отношениях. И…

Споткнулась о взгляд эльфа. Жестко споткнулась, как об острый камень на дороге.

– Ты… – Ирма облизала губы, – о боже!

– Мне кажется, – так же осторожно, словно обходя рассы-

панные на дороге острейшие осколки чьих-то надежд, сказал витязь, – мне кажется, нам нужно еще немного времени. Ирма. Говорить. Для начала.

У Ирмы было ощущение, что она стоит на краю пропасти. С чего? Почему? Что, собственно, меняется? Что так уж сильно может измениться?

Архангел!

Бороться, не отпускать. Она представляла себе борьбу с каким-то внешним миром; а борьба предстояла внутри ее самой. Для начала – смириться. И сказать – да, пока мы будем вместе, я буду слушать тебя. Я буду.

Слушаться.

Дотошно выяснить для начала все его эти правила. До того как. Обдумать их. Систематизировать, законспектировать…

Ирма тряхнула головой.

– Тайтингиль… я готова. На все. Я буду слушаться тебя всегда, когда ты напомнишь мне о твоих правилах. О том, что ты не человек. Я даю тебе обещание. Принять… все.

Внутри что-то сладко оборвалось. Будто давно подвешенная на нитке тяжесть вдруг перетерла упругий шелк и освободила часть души, выпрямившуюся живой веткой.

Эльф был рядом – во рту, внутри тела, внутри и вовне; Ирма, позабывшая о правилах и ритуалах плотских игр, самозабвенно кричала, извивалась, почти теряла сознание. Это был простой секс, простой, но настолько глубокий и чувственный, какой, пожалуй, могут представить себе только

шестнадцатилетние девушки, осваивая первые ласки, подсунув при этом книгу стихов о вечности и смерти под подушку. Это не было похоже ни на что, доселе пережитое опытной и взрослой Ирмой.

Это было единение слитых душ – романтическая глупость, о которой он говорил в самом начале, это было оно, без чего не мог этот всамделишный, чудной, прекрасный, дивный эльф.

И не могла теперь она.

Ирма уснула в его руках, взорвавшись бесчисленное количество раз, мокрая ото лба до самых кончиков ног; опустошенная и наполненная – телесно. И еще как-то иначе.

Тайтингиль держал ее в объятиях и дышал в шею, не в силах уснуть – витязь на поле битвы, муж на ложе девы, гость в лоне этого мира. Сердце его колотилось в ее мягкую грудь и никак не могло утишить бег.

И он ни на минуту не выпустил ее – вплоть до звонка ее айфона, вплоть до сигнала будильника, который – эльф уже знал – являл тут собой подобие грома небесного.

Ирма дернулась и замерла в сильных руках.

– Черт бы подрал работу, – прошептала она в губы эльфа, встретившие ее дыхание. – Черт бы ее…

– Тшш. Для тебя это важно, – ответил едва слышно Тайтингиль, – а потому – вставай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.